

ЛЕОНИД ЧЕКАЛКИН

**ТАЙНЫ
БЕЛАЯ
СТРАНИЦА**

УДК 821.161.1—14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
ЧЗ7

Чекалкин Л.И.
ЧЗ7 **Тайны белая страница.** — М.: «Грифон», 2016. 123 с.

В новой книге московского учёного и поэта **Леонида Чекалкина** представлены стихи, написанные в 2015—2016 годах, а также критические статьи о творчестве автора.

Для ценителей поэзии

УДК 821.161.1—14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98862-268-0

© Леонид Чекалкин, 2016

Тайны белая страница

Покой

Я обрету обещанный покой,
Но — не теперь, немного погодя,
Когда я стану сам — рекой
Под музыку весеннего дождя.
И будут следовать мои года
Сплошной, весёлой чередой,
Пока простая пресная вода
Священной не окажется водой.

Перелёт

Ветка ставни раскрывает,
Ветка трогает стекло,
Время ночи истекает,
Вот и вовсе истекло.
Неторопко, но — светает,
Боль расслышать не даёт:
То ли птичий перелёт,
То ли вечность пролетает?

Одиночество

Мне свыше одиночество дано —
Для избавленья от словес,
Вокруг стоит сплошной стеной
Высокомерный дикий лес.
Я в этом одиночестве живу,
И скромно дни свои творю —
О собственных удачах наяву
Я даже с птицами не говорю.

Ночной пейзаж

Предо мною всё та же картина ночного пейзажа.
Здесь бессменные сосны стоят как забытая стража,
И открыто луна свет заёмный легко расточает,
И незримая птица, возможно, меня примечает.
Всё — знакомо, привычно и всё-таки, всё же
Снова трогает душу, и строже, и строже
Замечаю подробности мира земного,
Где я долго живу и так прожито много
Из того, что подарено личной судьбою,
С чем останусь потом, перестав быть собою.

Зарево реки

Сегодня я гляжу не просто в небо —
В его глаза, увиденные близь,
Негромко говорю: сегодня мне бы
Не омрачить подаренную жизнь.
Пока есть воля, я живу надеждой —
Успеть слова любви проговорить,
Доспорить с умным ли, с невеждой,
Но сохранить натянутую нить
Между мирами — близким и далёким,
Меж тем, где я теперь живу,
Где буду завтра жить — в полёте,
Который ожидаю наяву.
Он ждёт меня, и в этом я уверен.
И потому вновь небеса прошу:
Свои не закрывайте двери,
Я — на земле, но будущим дышу,
Его прохладой, праздником покоя,
Свечением неведомой строки,
Где мимо созревающего поля
Течёт неслышно зарево реки.

Крылатая воля

Тревожная память усталого дня:
Закатное пламя — страница огня,
Согревшего небо, поля и леса,
Где снам на потребу живут голоса
Разрозненной стаи неведомых птиц —
Крылатая воля не знает границ.

Ожидание ночи

А голос стал — глуше и тише,
И сон не пришёл до утра.
А дождь тарабанит по крыше,
Пропали земные ветра.
И страхи — почти невесомы —
Утишилась боль, наконец.
Покой задремавшего дома —
В размеренном ритме сердец.
И всё-таки, всё-таки, всё же,
На время себя обманув,
Почую — спокойствие может
Взорваться разладом минут:
Растает явление чуда,
Вздохнёт ненароком вода,
Звезда, прилетев ниоткуда,
Опять улетит в никуда.
И страхи вернутся весомо,
Ночная продлится игра,
И с неба обрушится Слово —
Разбудит земные ветра.

След сердца

Правда в том, что время — тает.
И, закованный в тиски,
Понимаю: подступает
Час нашествия тоски.
Той — ещё преодолимой,
Своей имеющей предел,
Что спешит неодолимо
После ряда важных дел,
Мной намеченных на утро
И вперёд, на много лет...
Поступить сумею мудро —
Поменяю тень на свет,
А потом и дождь — на ведро
И, предвиденьем томим,
Зашагаю к цели твёрдо,
С ней одной — неразделим.
Сохраняет память разум,
Помогает ей строка...
Заключительную фразу
Вспомнят новые века.

С Новым годом!

Уловив случайное мгновенье,
Обретаю снова интерес
К мысли, где моё сомненье
Разбудило задремавший лес.
Вот и снег упал на плечи
И на весь притихший лес,
Где звучат корявые наречья —
Птицы к ним имеют интерес.
Посчитаю эту песню спетой,
Если вместе с птицами пропел,
Сохранив живой и светлой
Душу для хороших дел.

Срок земной

На памяти замешана и чести,
Пред вечностью душа моя — чиста.
Жизнь строил с чистого листа —
Небес теперь улавливаю вести,
Наполненные снежной белизной.
А это — важно и... тревожно.
И ошибиться — невозможно:
Так скоротечен срок земной.

Предел судьбы

Не суетливость, не поспешность —
Азарт погони за мечтой:
Постичь мифическую вечность,
Представить лик ей святой.
И, зная сил своих ущербность,
И арсенал убогих прав,
Благодарю немую щедрость,
Предел судьбы своей поправ.

Взросление

Когда ушло души ожесточение,
Максимализм, присущий молодым, —
Замедлилось моей реки течение,
Весомей стала мысль воды.
Исчезли помыслы о мщении,
Пропали и нападки укоризн —
И, благодарно помня о сомнении,
Я изменил свою шальную жизнь.

Прощание листвы

Доктору Татьяне Куликовой

Из тишины аллея в прозрачный сад
Вошёл, как приходил сюда вчера —
Погожей осени похожи вечера,
Где звёзды падают, не ведая преград...
Небесной лёгкости дыхание пришло,
И сердце новой нежностью ожгло,
И помыслы о будущем — чисты,
И сад роняет чистые листы.

Пир во славу

Пир во славу природы
В час лесной кутерьмы —
Чистый воздух свободы
Проникает из тьмы
Без тяжёлого взгляда
И случайной искры,
Не нарушив порядка
Наступленья весны.
Я давно с нею дружен —
Встречи жду на ветру,
Даже если простужен
После ночи в бору.
Где скрывался от буден
И людской кутерьмы...
Даже светлые люди
В мир приходят из тьмы.

Не зная чувства мести

Григорию Ерёменко

Шуршат зыбучие пески, свои разносят вести —
Они не ведают тоски, не знают чувства мести.
Ни ручейка здесь, ни реки. Лет триста или двести
Не шелестели здесь шаги и не звучали песни.
Порою проскользнёт змея, легко осилив гору, —
песков сыпучих толчая ей оказалась впору.
Здесь ни дороги, ни тропы, любой бархан — дорога,
И не бывает здесь толпы, и живности — немного...
Бредя сквозь мёртвые пески, припомни — честь по чести —
Глухие приступы тоски, слепую жажду мести,
С которыми когда-то жил, подспудно ненавидя
Того, кто как-то оскорбил, иль чем другим обидел.
Обида — вечная беда! — известно это многим.
Она исчезнет без следа, уйдёт путём убогим,
Когда ты к тайне бытия приблизишься немного, —
Поймёшь: всегда есть Судия, он носит имя Бога.

Госпитальный парк

Даты жизни

Ни к чему поздних слов пересуды,
Я теперь переполнен иным —
Завтра прежним собою не буду,
Даже если останусь живым.
Озадачен сумятицей мыслей,
Перед вечностью молча стою,
Даты жизни — случайные числа,
Их узнать можно будет в раю.

Тростник

Я живу на планете
И, наверно, не зря:
Есть любимая, дети,
И, конечно, друзья.
Но настанет мгновенье
В неизвестном году —
Смолкнет сердца биенье,
Бездыханным паду.
Тростником я не стану
На ином берегу —
Просто я перестану
Делать то, что могу.

Срочная хирургия

1

Дождь прошумел.
Но долго ещё капли,
Скатившись с листьев,
устремлялись вниз.
Я слушал этот звон,
не понимая мерность
соударений капель и земли.
И хаос этого явления
тревожил, прогоняя сон.
Вдруг перестук колёс на перегоне,
где поезд, не снижая скорость,
летит и, соблюдая мерность,
его колёса, пробегая стыки,
рождают звук, подобный
метроному.
Но поезд — скорый,
И полёт — не долог.
А капли с веток — реже, реже, реже.
Я начинаю внутренний отсчёт —
отсчёт событий, дат,
потерь своих, находок —
надеюсь сон приворожить.
Но — снова тишина.
Песок — в глазах.
И боль — приходит.

2

Эта ночь позабудет себя
В череде бесконечной ночей.
Ах, как прост её дождь,
И не ярки огни, и
бесхитростен ветер.
Эта долгая ночь
Не оставит следа
в календарном
потоке событий:
нет событий и — памяти нет.
Чую мерность минут,
Приносящих высокий покой
Из глубин загустевшего неба.
Отдыхает душа.
Ночь на убыль идёт,
Продолжается дождь —
бесконечный и тихий.
Свет мерцает глухих фонарей.
Тишина...
Знаю, знаю, что скоро
Рассвет,
И наполнится утро
бесконечной тревогой.
Сон — витает...
Земная моя
завершается жизнь.

Госпитальные фонари

1

И что ни говори —
Я дружен с долгой ночью.
Не ярки фонари,
Но дарят свет воочью.
И тень от них — одна,
И в этой общей тени
Природа мне видна
Невидимых сомнений.

Январь 2016

2

День ли, ночь — он горит и горит,
Я привык к фонарю понемногу —
На свободу укажет дорогу,
Только рана моя отболит.
Свет и тень — вперемежку в окне,
Ночь свои отмеряет минуты,
Бескорыстно дарует их мне
И, уверен, другому кому-то.

Декабрь 2015

ДНЕВНОЙ СОН

Скажи, зачем теперь
В конце пути земного
Держать закрытой дверь
В хоромы сна дневного?
Когда усталость подошла
И требует ответа —
Зачем полна твоя мошна
Запасом добрым света?

Январь 2016

Усталость

Накопилась усталость,
Не погасли огни.
Сколько жить мне осталось,
Не подскажут они.
Не имеет значенья,
Мал, велик этот срок,—
Продолжается чтенья
Прекрасный урок.
И сметают преграды
Ночные труды,
Вместо личной награды
Получаю плоды
В виде лопнувших почек
Листьев, рвущихся прочь,
В виде искренних строчек,
Воспевающих ночь.
Разрывающих сердце
Моё на куски,
Но мешающих смерти
От смертной тоски.
2006, 2016 гг.

Таинство

В таинстве ночи
Без страха и боли
Вновь непорочны
Волны прибоя.
Время набега
Бессмертного моря —
Слушает берег
Голос историй.

Январь 2016 г.

Дыхание моря

Бьют часы. Глухая полночь
Охраняет тишину,
Я спешу судьбе на помощь —
Вспомнить грешную весну.
И теперь уже не важно,
Кто и в чём был виноват —
Снова дует ветер влажный,
Возвращает сны назад.
Поросло быльём былое,
Но витает дух весны:
Море — вечно молодое —
Распыляет соль волны.

Январь 2016 г.

Соловей

Поёт не соловей,
Но — певчая пичуга.
А ночь без сна —
Знакомая причуда.
Идут часы, мгновения — строги,
Они живут с пришествием строки —
Цветной окраски и живого склада,
Где та же боль, как новая услада.
И та же быль, где утренний воздел
Ночного леса — соловей воспел,
А я его услышать захотел,
И трепет испытал
Среди бездушных дел.

Январь 2016 г.

Сюжет с рассветом

Ночь на убыль идёт чуть заметно,
Но за пазухой держит рассвет.
Находясь в тайном сговоре с ветром,
Раскрывает неспешно сюжет,
Где печали разбавлены светом,
Чтоб любой, кто от сна отстаёт,
Мог сродниться с хорошим советом
И продлить свой опасный полёт.

Январь 2016

Терпение

Вновь душе в своей неволе
Быть — невмоготу.
Потому стремится в поле —
Скрасить немоту.
Ей воды не нужно, хлеба —
Разорвать бы клеть,
Улететь неслышно в небо —
Смерть перетерпеть.

Сюжет спасения

Люблю грозу в начале мая
Ф. Тютчев

Страницы дней своих листая,
Ищу спасительный сюжет:
Пришла хвороба не простая,
А страха не было, и нет.
Хотя и боль ещё живуча,
И ночь бессонница хранит,
Но, если в жизни я везучий,
Мне помощь с неба прилетит.
И, эту помощь ожидая,
Остатки сил спешу собрать —
Люблю листву в начале мая
И дней без боли благодать.

Реанимационный блок

*Медперсоналу 3-го Центральнгоо военного
клинического госпиталя им. А.А. Вишневского*

1

Я братьев пережил на много-много лет,
И сам теперь стою на крае пропасти,
Читаю временем написанный сюжет,
В котором я — герой печальной повести.

Но я пока живу, и в этом есть секрет,
И мысли в голове — предельной ясности.
Предвидя муки адовы, храню ответ:
Я выживу и вопреки опасности.

2

Я побывал за гранью бытия,
Где было и светло, и тихо.
Но вскоре Бог вернул меня
Сюда, где боль разыграла лихо.
Кошмар, сгустившийся с утра,
Приоткрывал окно в бессмертье...
За жизнь продолжилась игра
В палате за тяжёлой дверью.

3

Шум шоссе мешает быту
Госпитальных корпусов.
Всем ветрам они открыты,
Словно крылья парусов...
Верю — одолев болезни,
Выйду к солнцу на балкон,
Посчитаю шум полезным —
Помогает выжить он.

4

Побывав за последней чертой,
Я вернулся в свою оболочку,
Сохранённую той высотой,
Где таятся грядущие строчки.
Я вернулся в родную страну,
Пролетев неизвестные дали,
Чтобы встретить земную весну,
И припомнить начала печали.

5

Уже ниспослана строка,
Намёк на обещастья,
Где нескончаема река
Последнего прощанья.
А одиночество дано,
Чтоб лицезреть воочью,
Как перед вечностью оно
Единым станет с ночью.

6

Свет звезды нескончаемо тонок,
Прошивает бездонную высь.
Вместе с ним, изменённая стоном,
Укрепляется поздняя мысль.
Понимаю, что отклик — не труден,
На вопросы известен ответ:
Мой рассвет непременно пребудет,
Обязательно будет рассвет.

7

У изголовья птица пролетела,
Душа в ответ откликнулась, запела,
Вернулась обострённость чувств.
И то, что изжитым казалось,
Живым и светлым оказалось,
И обнажился смысл искусств.

8

На подоконник приплыла
В ночи невидимая птица:
Ни подойти, ни удивиться,
Ни разглядеть крыла.
А на рассвете — тишина
И тайны белая страница
Из дебрей смертных сна —
Его последняя страница.

9

Лунным светом — оловом молчанья
Залита весенняя трава,
Елей еле слышные качанья,
Сосен — полушёпотом — слова.
Потеряли звуки очертанья,
Только голос внутренний кричит,
Наблюдая смертные метанья
Пламени истаявшей свечи.

Продиктовано ночью, услышано мною —
 Это в марте случилось, холодной весной.
 Запоздалой весной долгой ночью бессонной
 Таял снег, дождик шёл по наклонной
 И сомненье рождал — доживём ли до мая?
 Доживём, я поверил, — угрозы ломая,
 Доживём, если вспомним ночные уменья —
 Слезы слизывать с губ, не стесняясь смятенья.

Красногорск—Москва, 2016 г.

Схватка

Вновь молчаливо состраданье,
 Хотя друзья твердят: изволь...
 Как на любовное свиданье
 Ко мне приходит ночью боль.
 Уже привычно пробужденье,
 Когда вокруг все люди спят.
 Хотел почувствовать движенье,
 Но деревья в саду стоят —
 Все крепко скованы снегами...
 Как хорошо бы в час земной
 Отставить бденье над стихами,
 И в сон зарыться с головой.
 Призвать оставшуюся волю,
 Чтоб не пришла ко мне беда,
 Так совладать с коварной болью,
 Чтоб с ней расстаться навсегда.

Ошибка

Отдохновения пришло осознание,
Ночной покой простёрся далеко,
И пролилось совсем не в назиданье
Большой луны густое молоко...
И этот свет упал как откровенье,
И подарил такой избыток сил:
Приняв его за вдохновенье, —
У неба ничего не попросил.

Предел судьбы

Не суетливость, не поспешность —
Азарт погони за мечтой:
Постичь мифическую вечность,
Представить лик её святой.
И, зная сил своих ущербность,
И арсенал убогих прав,
Благодарю святую щедрость,
Предел судьбы своей поправ.

Облик беды

Скрытый облик беды.
Длится час вдохновенья.
Свет дрожащей звезды
Прогоняет сомненья.
Белый облак летит,
Белым лебедем мнится...
Мне ещё предстоит
В этот мир народиться.

Живая поросль

Я уйду туда, где порознь
Не бывают даль и близь,
А небес живая поросль
На земле продляет жизнь.
Здесь готовится призванье —
Достигать седых вершин,
Где приходит осознанье
Бесконечности души.

Предвиденье

Загадывать не сложно наперёд,
Хотя не всё предвижу,
Счастливых дней — наперечёт,
Где слышу всё и вижу.
И потому спешу сберечь
Запас конечный воли,
Чтоб понимать живую речь
На фоне острой боли.

Борьба

Трудные будни,
А ночи — трудней.
Снова пребудем
Вольней и мудрей.
Силы раздарим,
Ещё соберём —
Время недаром
Пропахло огнём.

Жестокость — не к лицу

Хорошо бы звук набатный
(При пожарах он — родня)
Не смутил покой закатный
И не сбил с пути коня.
Хорошо бы голос зычный
Не нарушил сон полей,
Насаждая страх привычный
Перед натиском страстей.
Хорошо б звучал почаще
Колокольца нежный звук,
Пробуждая поле, чащу,
Умягчая смысл разлук...
Потому как в мире светлом
Жизнь моя спешит к концу.
В пониманье жёстком этом
Быть жестоким — не к лицу.

Жить — охота

Итоги жизни — нет, не подвожу,
Иным порабощён занятъем:
Я всё ещё иду по рубежу
Между любовью и проклятьем.
Между водицей ключевой
И затхлой влагою болота...
И в этой жизни кочевой
Еще живу, и жить — охота.

Вечерний полёт

Понимаю ли я?
Да, конечно же, всё понимаю —
Жизнь поспешно скатилась к концу,
Но пока же во сне высоко я летаю,
И от встречного ветра — слёза по лицу.
Понимаю, что прожито всё-таки много
(Правда, кажется мне, что недолго живу)
И была не простой долгой жизни дорога —
Ощутил все ухабы хребтом наяву.
Миновал меня страх, потому-то, возможно,
Продлевается век для неведомых дел.
И случайной тропею иду осторожно
Там, где лес постепенно, но явно редел.
Удлиняются тени вечернего часа,
Скоро солнце в ночную нору упадёт.
Ну а жизнь, как и прежде, прекрасна —
Вижу: птица вершит свой полёт.

Госпитальная весна

Заплуталась весна, заплутала,
Но душе помогла отдохнуть.
Толчею не приемлю вокзала —
Без меня поезд тронется в путь.
Я живу, не теряя сознания,
Слышу сердцем, не верю уму...
Покоряю в душе расстоянья,
Чтобы в тягость не быть никому.

Пряные травы

Сделался пьяным, вместе собрав
Запахи пряных утренних трав.
Тихого звона поле полно —
Ветром озона дышит оно.
Мир не нарушу трелей и трав —
Душу утешу, свободу впитаю.
С памятью боли не сгинул во рву,
Выдюжит сердце — ещё поживу.

Сиротство

А над полем снег клубится,
Строит снежную грядку.
Схоронились в гнёздах птицы,
Кто в лесу, а кто — в саду.
Из вопросов безответных
Есть один, и тот — беда:
— Неужели мой наследник
Здесь бывает иногда?
Был давно или намерен?
Снег идёт, всё замело.
И пришла пора — помедлить,
Подождать, чтоб рассвело.
Долго длятся утро, вечер —
Вспоминаю всю родню,
Ставлю свечи, свечи, свечи
И в молчании стою.
А семья теперь не снится,
Обращаю внутрь глаза:
Я ищу родные лица —
Прилетают образа.

Небесная грамота

Отрекаюсь от будничных дел,
Призываю практический опыт —
Наблюдаю, как лес повзрослел,
Различимым становится шёпот
Первых листьев, где длится игра
Птиц небесных цветного пера,
Составляющих дружную стаю.
Неизвестно куда улетала вчера,
А, когда прилетела, — узнаю.
А небес молодые страницы
Изучают со мной облака,
Помогают нам ранние птицы,
Если скомкана ветром строка.

Безразличие

Как мне справиться с этой напастью —
С безразличием усталого дня,
Отдающего призраки счастья
На потребу ночного огня?
Лишь закатного солнца осколок
Подожжёт хвойной лапы ладонь,
Мириады горящих иголок
Отдадут свою жизнь за огонь.

Январь 2016

Ночной сад

Моей жене Светлане

Я вышел в сад, и было поздно,
И листья трепетали на ветру,
А небо чёрное роняло звёзды,
И все они сгорали на лету.
Я успевал загадывать желанье,
Ведь жизнь моя кончается уже,
И впереди — последнее свиданье,
А нежность не кончается в душе.

2016 г.

Богиня

Я проснусь этой ночью заранее,
Раствориться сумею в огне —
В чистом утреннем зареве,
Чтобы свет оставался во мне...
На земле всё упрятано в инее,
В белом панцире спят провода...
Надо мною восходит богинею
Неприметная прежде звезда.

Сон, как жизнь

Пусть нежности игра при смене лет
Пролет спасенья чистый свет.
А сон придёт, увижу в нём тебя
И строки новые, живые — наяву,
Поскольку белый свет любя,
Во сне и не во сне — живу.

Бессмертье

*Что почек, что клейких
запльвших огарков
Налеплено к веткам!*

Б. Пастернак

Ночь, мороз, простор, затишье,
Чувство сладкое изгнанья.
Оказалось вновь нелишним
Просветление сознанья
Время тает, ночь — на убыль,
На востоке свет затеплен.
С пробуждением этим грубым
Осознаешь: ты — бессмертен!

70-е годы

Зрелость

Марии

И слышался девичий голос,
Скоро эхо его подоспело —
Разбудило дремавшую волость,
Где моё обретается тело.
Боже мой, как невысказано мало
Нужно в жизни, летящей на убыль...
А ведь помню — частенько бывало —
Обжигался о девичьи губы.

Январь 2016 г.

Край родной

Я заране поверил в удачу,
А сомнения все отмету,
И, соблазны отвергнув в придачу, —
Я восславлю твою красоту,
Край родной, неизменный сподвижник.
Ты прекрасен и утром, и днём,
Как в мечты погружившийся книжник,
Излучаешь покой под дождём.

Январь 2016

Без вранья

Я давно живу на свете,
Но своих не чую лет.
И, как прежде на рассвете,
Свой приветствую рассвет,
Будь он призрачен, иль светел,
Скромный свет — всё тот же свет.
И летит по ветру пепел
От запретных сигарет.
И ложатся на бумагу
Строчки позднего литья,
Сохранившие отвагу,
Не вобравшие вранья.

Декабрь 2015

Образ птицы

Живётся здесь славно —
Я вижувсегда,
Как всходит исправно
Ночная звезда.
Я сам её выбрал,
Ей сдался в полон,
Позвал её в игры,
В живительный сон.
А сон — это право
С поддержкой небес
К явлению славы
Избыть интерес.
И вновь обратиться
К ночному труду,
И в образе птицы
Представить звезду.

Память

Напряженье натруженных будней
Проникает в само бытие.
Жизнь, возможно, тяжёлой пребудет —
Мы ж — безгрешные дети её.
Каждый шаг и опасен, и труден,
Но сознание своё бережём.
Эту жизнь никогда не забудем,
Потому что мы — память её.

Без печали

Почти растаяла печаль,
Её остался лёгкий след.
А дней былых уже не жаль,
Ни бед их, ни побед,
Ни окончаний, ни начал,
Ни звёзд и ни теней.
Вот жаль — растаяла печаль,
Ведь вдохновенье — в ней.

Мать

Мама стряпала лепёшки, чтоб на краешке земли
Дети ели понемножку, потихонечку росли.
Время душу истомило, исковеркало нутро...
Мама яблок засушила — с горкой — полное ведро.
Мамы — нет, осталась память, и теперь в достатке лет
На могиле мёрзнет камень, где отсутствует портрет.
Я лица её не помню — время, что ли утекло?
Всё смотрю, пейзажем полный, в запотевшее стекло.

Вдохновенье

И притерпелась боль,
И привнесла усталость
Немедля за собой,
И так со мной осталась.
А как же уберечь
И сохранить живую
Рассветную порою
Явившуюся речь?

Ночь

Научала ночь: речи — перечить,
Праздной мысли — препоны чинить,
Поручив её утренней встрече,
Чтоб разумное время продлить...
Поздней птице сегодня не спится,
Солнца нет, как и было вчера —
Пролилась дождевая водица,
Но начнётся иная игра.
И придёт пониманье иное —
Яркий свет постучится в окно...
И продолжится время земное —
С ним и дружбу водить суждено.

Чуткость

Тихо-тихо, нежно-нежно
Обращался вечер в ночь.
Я искал слова прилежно,
Чтобы этому помочь.
Удивительные вести:
Ночь живёт, себя даря
Тем, кто чутко слышит песни,
И кому нужна заря.

Свой путь

Весть вернуться успела —
Прилетела сюда,
Где и скрипка запела,
Ей подпела звезда,
Как и в прежние ночи.
Где рассвет, как испуг,
Он теперь, между прочим,
Закадычный мой друг...
Обостряется зренье,
Направляясь вовнутрь.
Порождает сомненье,
Пробивается путь —
Возрождается право
Утишать чью-то боль,
Отстраняясь от славы,
От случайных неволь...

Скрипкой сыграно скерцо,
Закатилась звезда...
Чую шрамы на сердце
Я теперь без труда.

Вечная жизнь

Мгновения летят неуловимо,
В минувшем оставляя нас.
И он не пролетает мимо —
Сомнений трудный час.
Вновь неизбежен лик заката.
Таит он поздний взгляд беды,
Или внезапный и крылатый
Полёт ночной звезды?
Надежды мало на спасенье,
Хотя прекрасен звёздный свет,
Его волшебное свечение,
А на него — влиянья нет.

Дом

Анатолию Пишеничному

Живу в окруженье чудес
И слушаю чутко и строго —
По воле высоких небес
Земные рождаются строки.
Явлением этим влеком,
Жилья раздвигаю границы,
Вместительным делаю дом —
Для бабочек, зверя и птицы.
И шлю приглашенья друзьям
Весной или солнечным летом —
Без них оставаться нельзя
В когорте поющих поэтов.

Временной пласт

Снеговой истончается наст —
Достоянье минувшей зимы,
Временной истончается пласт,
У бессмертия взятый взаймы.
Должником не хотелось бы слыть,
Потому и полночная грусть
Проявляет завидную прыть —
Раздирает сомнением грудь.
А бессонниц немая толпа
Обретается рядом, в ночи,
Арсенал забирая тепла
До огарка сгоревшей свечи.

Чую тревогу

Вновь господствует шквалистый ветер,
Но не гаснет в ночи непокорный огонь.
Он, как воин, — ушёл от жестоких погонь:
Ликом — грозен, а помыслом — светел...
Гори и не гасни всеильный огонь,
Ветер, голосом зычным — кричи,
К полёту готов застоявшийся конь —
Снова чует тревогу в ночи.

Озеро мысли

Границы озера едва видны
Тревожной светлой ночью.
И волны мерные слышны,
Они созвучны многоточью.
И дальше — пауза за ним,
За промежутком этим.
Вопросом мучаюсь одним —
Не жутко жить на свете?

Пора очнуться

Вознагражденье не было обещано,
Но в мир пришёл — о чём теперь жалеть?
Вот облако, похожее на женщину,
Плывёт, надеясь землю обозреть.
Я жизнь — не разлюбил. Но — что теперь?
Глаза раскрою, чтобы рассмотреть,
Как заморозки отменила оттепель,
И обрекает снежный пласт на смерть.
А страха — нет. И не было, как будто.
Но что такое? Сбился я с пути?
Мне сновиденье подарило утро —
Пора очнуться и себя найти.

Беглая мысль

Пускай молчит пора воспоминанья —
Там светлых дней — наперечёт.
Вот вспомню жаркий час свиданья,
Смелее наше время потечёт.
Возможно, без излишних тягот
Начнётся настоящая игра —
Просохнет утренняя слякоть,
Придут с морозцем вечера.
Тогда, призвав пережитое,
Смогу свою строку приворожить:
— Грешно у вдохновенья на постое
Не уловить летящей мысли нить.

Продолжение имени

Продолжение имени —
Наши сны и дела.
Вместе с утренним инеем,
Их судьба приняла.
Поняла, не отторгла —
Научила ручей
Зря не тратить восторга
На прозу речей.

2016 г.

Обещание

Прилетевший ветер с юга
Полон запахов весны,
Бьётся в грудь мою упруго,
Дарит шелесты листвы.
Этот ветер — ветр удачи —
Раскрывает тайну строк
И к земным годам впридачу
Мне сулит небесный срок.

Размолвка

Я сегодня тебе ничего не скажу,
На упрёк не отвечу упрёком —
На бурлящую реку спокойно гляжу,
Созерцательным занят уроком.
Ожидаю, что мысль, порождённая здесь,
Оживит, как бывало и прежде,
Издалёка сюда прилетевшую весть,
И она не предстанет невеждой.

Январь 2016

Жаркая ночь

В пламени жарком рождаются — ясно — виденья,
Зримо мешают развеять былые сомненья.
Угли порою короткою вспышкой жаркой
Лик вызывают, мерцающий в памяти яркой
Ночи порочной, себя потерявшей в объятьях...
Время такое — себя вспоминают проклятья.

70-е годы, 2016 г.

Прощание

О.Ф.

Я давно прикипел к этажу,
Размещённому в небе высоком —
Слов обидных тебе не скажу,
На упрёк не отвечу упрёком.
И случайной тропой уйду,
Опоённый нектаром свободы,
Не теряя из вида звезду
В незакрытом окне небосвода.
Лишь плывя поднебесной рекой,
Может, вспомню тебя ненароком...
Если боль обернулась строкой,
То живётся не так одиноко.
80-е годы, 2016 г.

Сердце грусти

Стою на солнечном ветру,
Теней оставив сеть.
Здесь память горькую сотру —
Сумею уцелеть.
Сомнений поздних сброшу груз —
Невмочь его нести.
Оставлю в сердце только грусть,
Чтоб не свернуть с пути.

Мелодия Бога

Дождлся я праздника ночи,
Отринул чужую вину,
И в ауре той непорочной
Услышал живую волну.
Почувствовал ясно и строго:
Я с небом — один на один,
Мелодию слышу от Бога,
И в этом я с Богом — един.

Январь 2016

Уходящее небо

Угадаю на завтра погоду,
А, возможно, её закажу —
Своему настроению в угоду,
Потому и на небо гляжу.
А цвета уходящего неба
Мне знакомы по прежним ночам,
Где рождались и были, и небыль,
А потом разбрелись по углам.

Январь 2016 г.

Дух свободы

Хмарью небо обложило,
Сеет дождь — едва-едва,
Стерегу свою поживу —
Обретённые слова.
Донести бы их до края,
До последней полосы,
Мыслью праздничной играя,
Ветра слушаю басы...
Помогают непогоды
Песню новую сложить,
Где витает дух свободы...
С ним хочу и дальше жить.

Тревожный рассвет

Тревожное небо. Багровый закат
Плывёт облаков чёрно-белый отряд.
И след самолёта — дымящийся шрам.

Но там, на востоке, рождается свет,
И солнце вернётся. И грянет рассвет!
Мой путь освещая —
И в дом,
И в намоленный храм.

Одной породы

Под пологом нахмуренных небес
Таит молчанье заповедный лес,
Где прячутся и птицы, и зверьё
В своё разнообразное жильё.
И рядом я — у жизни на краю,
Молчание грядущего крою.
Его мы вместе с птицей сохраним,
А по душе — никто неотличим.

Декабрь 2015

Всё знакомо

Ничего в мире нового нет:
Те же небо и звёздная пыль,
И приходит привычно рассвет,
И колышется в поле ковыль.
Так же солнце роняет лучи,
Пробуждается заспанный бор,
И журчат беззаботно ручьи,
Бесконечный ведя разговор.
Те же солнце, и небо, и лес.
Почему же в сумятице дня
Не теряется к ним интерес,
Продлевается жизнь для меня?
Потому что есть память и боль,
Светят в доме родимом огни.
Вот и сердце неволит: изволь
Не хулить Богом данные дни.

По рубежу

Итоги жизни — нет — не подвожу,
Иным порабощён занятъем:
Я, как всегда, иду по рубежу
Между любовью и проклятьем,
Между водицей ключевой
И затхлой влагою болота...
И в этой жизни кочевой
Живу. И жить — охота.

Ниспосланный свет

1

Свет звезды нескончаемо тонок,
Пронизает безмолвную высь.
На земле с еле слышимым стоном,
Нарождается новая мысль.
Ей немедленный отклик не нужен
И не нужен земной ей совет —
Если с небом сознание дружит,
Принимает ниспосланный свет.

2

Одержим ветер мыслью простою —
Разгулялся, шумят деревья,
Забавляется юной листвою,
Её шелест вживляет в слова.
И становится сердцу понятней,
Почему свет небесной игры,
Соскользнувший с палитры закатной,
Золотится в прогалинах мглы.

Книжка критики

Авторы статей

Пётр Чекалов
Надежда Ступина
Иван Голубничий
Илья Клейнер
Александр Кацура
Максим Замшев
Ольга Грозная
Татьяна Кузовлева
Сэда Вермишева
Андрей Ипполитов

**Пётр Чекалов,
доктор филологических наук, профессор**

Лирика Леонида Чекалкина

Приобщение

Наше знакомство с Леонидом Ивановичем было случайным. Я уловил огромное обаяние, исходящее от спокойного, доброжелательного лица. На прощанье Леонид Иванович подарил мне свой сборник стихов «Осенняя пристань». И первое, что меня удивило по прочтении этой книги, — чистота лирики, которую я не встречал давно. Представлялась удивительной сохраненная юношеская свежесть стихов, их естественность, будто они вырвались одним дыханием без поздних возвращений, редакций, правок. И все это в моем восприятии никак не вязалось с возрастом Леонида Ивановича. Мне казалось, что в такие почтенные годы так уже не пишут, а тут — чистейшая лирика, первозданная, чистая, как первый снег! (Позже я узнаю, что вот это же ощущение несоответствия внешнего облика поэта внутреннему содержанию его стихов еще ранее был подмечен А. Куцурой: «Леонид Иванович — крупный, топором рубленый человек. И вдруг — тончайшая лирика. Даже застенчивая».) Получил огромное удовольствие, истинное эстетическое наслаждение, как от прекрасной умиротворяющей музыки. Абсолютно солидарен с О. Грозной, испытавшей те же ощущения от поэзии Чекалкина: «Проникновенный лиризм и тонкое чувство прекрасного завораживают читателя: появляется ощущение, что душа освобождается от суетного, взмывает в прозрачные небеса и созерцает картины, умело нарисованные поэтом».

Вторая встреча оказалась тоже случайной в том же «Подвале небожителей», как московские поэты прозва-

ли кафе в подвале Дома Литераторов. Можно даже сказать, что она была мимолетной. И на этот раз я получил в подарок другой, более ранний и полный сборник «Шепот, услышанный в шуме».

Ах, какая это лирика! И как сказать о ней простыми словами, чтобы передать читателю вот эти ощущения? Вдыхаешь, впитываешь в себя, как живительный глоток, эту, ничем незамутненную русскую поэтическую речь, и ты наполняешься тихим внутренним свечением...

И «Шепот, услышанный в шуме» вернулся со мной на Кавказ и занял свое место на книжной поэтической полке рядом с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, Блоком... И с тех пор неизменным атрибутом моих лекций по современной русской поэзии стало упоминание имени Чекалкина и чтение его стихов.

Унаследованные традиции

Леонид Иванович — традиционалист. В классическом понимании этого слова. И традиционность его проявляется, в первую очередь, в используемом им метрико-ритмическом стиле. Если взять, к примеру, сборник «Во имя» и рассмотреть его в обозначенном ракурсе, мы увидим, что автор пользуется исключительно только силлабо-тоническими метрами: не говоря уже о верлибре, мы не найдем здесь ни одного тонического стиха, даже дольника.

Известно, что наибольшим распространением в русской поэзии пользуются ямбические, затем — хореические стихи, значительно реже встречаются трехсложники. У Чекалкина ямб занимает почти 36% метрического пространства, хорей — 28%, а все трехсложники, вместе взятые (дактиль, амфибрахий, анапест), — только 36%. То есть даже пропорции употребления классического стиха у Чекалкина сохраняются интуитивно. Отступление от канонов обнаруживается лишь в том, что из

трехсложников самым распространенным в поэзии 19 века выступал дактиль, у Чекалкина — анапест.

Но заметим, что традиционность не отменяет оригинальности. И ярким свидетельством тому является стихотворение «Поздние птицы», представляющем собой очень редкое не только для стихов Чекалкина, но и для всей русской поэзии явление — трехсложник с переменной анакруз (правильное чередование 2-стопного дактиля в нечетных строках с 2-стопным амфибрахийем в четных):

Трудные будни,
А ночи — трудней.
Снова пребудем
Вольней и мудрей.
Силы раздарим —
Ещё соберём.
Полдня удары
Пропахли огнём.
Это сгорели
Ночные труды:
Песня свирели
И горечь беды,
Шорохи крыльев
И говор костра,
Ставшая былью,
Рассвета сестра —
Ветка зарницы —
Подарок звезды...
Поздние птицы,
Ночные труды.

Характерной чертой поэзии Чекалкина является то, что отдельные строки его стихов, не соответствуя общему размеру, «выпирают» из него или становятся короче (вольные стихи). Ритмический сбой в таких случа-

ях, как правило, почти не заметен, а порой оказывается очень кстати, выделяя тот или иной значимый элемент стиха. Вот, например, начало стихотворения «Богомаз»:

Вот и кануло в Лету еще одно лето.
И сентябрь наступил, и не важно какое число.
И в момент пробужденья, еще до рассвета
Надо мною лицо моей милой взошло.

Три строки из приведенных четырех являются четырехстопным анапестом, а вторая («И сентябрь наступил, и неважно какое число») — пятистопным. И структурное отличие её от других подчеркивает состояние наваждения, когда человек как бы выпадает из общего течения жизни.

Чаще всего вольные стихи в поэзии Чекалкина проявляют себя в ямбе (как и в поэзии 19 века), но встречаются они у него и в хорее, и в амфибрахии, и в анапесте. Яркой иллюстрацией этой особенности поэта выступает стихотворение «Уходит ночь»:

Неспешно светает.
Молчанье таят заповедные трубы.
И шелесты леса, и шорохи неба — не тают,
На крик не срываются грубый.
И слышен стремительный топот копыт неизвестного стада.
А строки — витают...
И ночь продолжает стремиться на убыль.
И ветер сметает листву запустелого сада...

На самом деле авторская разбивка строк иная, чем приведенная нами. Мы специально «выправили» их в соответствии с ритмическими границами, чтобы выделенная черта предстала нагляднее. И в данном случае, как нам представляется, отчетливо проступает другая отличительная грань поэзии Чекалкина — ее медитативный характер.

Но вернемся к традициям.

Самой распространенной в лирике 19 — 20 вв. строфой являлось четверостишие. Естественно, Чекалкин не мог не подпасть под влияние и этой традиции — более 87% стихов сборника «Во имя» имеют четырехстрочную строфику, и лишь менее 13% приходится на дву-, пяти-, шести-, восьмистишия и нетождественные строфы.

При том, что строфика Чекалкина не блещет большим разнообразием, она не лишена своеобразности. Вот стихотворение «Свет», состоящее из четырех шестистрочных строф с одной и той же четко выдержанной ритмической структурой: первые две строки — усеченный четырехстопный амфибрахий — образуют парную рифмовку, последующие четыре (усеченный пятистопный амфибрахий в первой и четвертой строках, усеченный четырехстопный амфибрахий во второй и третьей строках) создают кольцевое рифмирование:

Тропинка в лесу проступает едва.
Листва неразборчиво шепчет слова,
Здесь жизнью исконной издревле живёт глухомань.
И силой природной себя воссоздав,
Господствует море целебное трав —
И сердце врачует, и нежит сухую гортань.

Я не большой знаток русской строфики, но такая представляется не просто редкой в своем роде, а исключительной, возможно, единственной в отечественной поэзии.

Еще в 18 веке, в период классицизма, в русской поэзии установилось правило чередовать мужскую рифму с женской. Более 80% рифменных пар Чекалкина как раз и сочетают мужские и женские окончания, причем — любопытный момент — традиционно русскую строфу завершает мужская рифма, так как она звучит более обрывисто и четко. Из всех рифм Чекалкина на мужскую рифму в заключительных строках приходится

56%. (Статистические данные приводятся по сборнику «Во имя»). Рифма у него, как правило, точная.

Еще одна унаследованная и четко отразившаяся в лирике Чекалкина традиция: любимый тип рифмования у него тот же, что является излюбленным для абсолютного большинства российских поэтов — перекрестный. Именно он господствовал в русской поэзии со времен Ломоносова. И у Чекалкина почти 84% всех стихов созданы с помощью этого типа. Парная рифмовка встречается редко (6,3%), а кольцевая — еще реже (1,4%). Еще 7,7% занимают стихи с вольной рифмовкой. Но сейчас нам хотелось бы показать небольшое стихотворение с довольно редкой структурой рифмования, когда первые три строки рифмуются с последующими тремя:

Скрипы снега,
стоны ветра,
сон ветвей —
час побега,
смены спектра
и лучей.
Блики света,
час восхода,
ток реки.
Час ответа —
на укор
строки.

Обратим внимание на то, что соотносящиеся между собой вторая и пятая строки второй строфы выступают холостыми.

Приведенные примеры неопровержимо свидетельствуют о традиционности поэзии Чекалкина, но при этом, как нам представляется, поэт через голову 20 века больше обращается к 19-му. Именно здесь находятся главные его учителя, хотя, вовсе избежать традиций ми-

нувшего века он, конечно, не мог, так как они стали тем поэтическим воздухом, которым он дышал, когда формировался как поэт. Из формальных изысков можно обнаружить выстраивание слов в колонку:

Отныне как будто бы нет
Ни ветра,
ни волн,
ни течения.
Или ставшая привычной «лесенка»:
Поздняя причуда:
Трепет, а не дрожь
Вызвал —
ниоткуда
Прилетевший дождь.

Бывает, когда поэт наиболее важное слово выносит в отдельную строку:

И все помыслы,
волю и силы
Направляю на поиски
Слов.

Подчеркнем, что подобные примеры — разовые, выполняющие в своем месте функции выразительности.

И — тем не менее! Кто из современных поэтов может использовать глагол «лить» в форме деепричастия, не рискуя быть осмеянным? Да только тот, кто чувствует себя своим в ауре 19 века. И вот читаем у Леонида Ивановича: луна «посмотрит, свет *лия*», и ни смеха, ни неуместности не ощущаем.

И что же, он — ретроград, на дух не переносящий поэтические нововведения? Нет, он не чужд им и никак не против них, просто его перу наиболее комфортна лирическая атмосфера позапрошлого века, его гармоническая душа чувствует себя свободно и в строгих пределах сил-

лаботоники, и для выражения своего настроения, чувств и мыслей ему вполне достаточны классические средства. («В пространстве классической формы — ему не тесно», — скажет по этому поводу А. Кацура). Ну как это еще объяснить? Ему нет необходимости изобретать для того, чтобы душа исполнила то, что из нее выпевается, и стихи его как бы самопроизвольно укладываются в органичную для них, апробированную столетиями форму.

Кстати, в стихотворении «Утро наступает» произошли и другие изменения, в том числе и структурные. И нам представляется, что все они только ослабили звучание стиха, так как провоцируют невольный отход от основного творческого принципа Чекалкина — медитативности.

Еще одно наблюдение подобного плана.

В названных выше сборниках («Шепот, услышанный в шуме», «Осенняя пристань») присутствует превосходная миниатюра «Перед уходом»:

и низко небеса —
На лес и крыши,
Слышны не только голоса,
И шёпот слышен.
И, отражённые рекой,
Под низким сводом
Слова любви несут покой —
Перед уходом.

Заключительная строчка, естественно, прочитывается как перед *уходом из жизни*. И такой финал придает маленькому шедеврному печально-лирическому звучанию.

Здесь гармонично все: форма и содержание настолько сливаются в единое целое, что, кажется, — ничего ни добавить, ни убавить. Странное дело, сформировавшись как личность в советское время, пережив Перестройку, став свидетелем горчайшего ее результата, Чекалкин ни разу не разразился публицистическим

стихом с социальной или политической подоплекой, как будто эта беда прошла мимо, не задев его сознания. Правда, иногда мелькнет образ «одуревшей эпохи» («Связь с веком») или мысль о том, что в мир «пришли открыто бранные слова» («Над лексикой нового века»). Порой можно встретить и отдельные строфы с социально-психологической проблематикой:

А время — отложенный взрыв,
И память молчит осторожно...
Заплачет ребёнок навзрыд,
И — жить невозможно!

Проблеме детства, которой отдано много лет и усилий, посвящена лишь небольшая поэма, включенная в книгу «Детство — под угрозой?» Складывается впечатление, будто в понимании Чекалкиным поэзии нет места сиюминутным вопросам, фиксации черт времени, его неприглядной социально-бытовой физиономии, будто поэзия это нечто вневременное¹, предназначенное лишь для отражения разнообразного, постоянно меняющегося лика природы да светлой души лирического героя, его настроения, состояния, мыслей, переживаний явлений собственной жизни в их интимно-эмоциональном аспекте. И в этом, как нам кажется, он ближе всего стоит к Фету. С Фетом же сближает и стремление создать мир красоты и установка на то, что поэзия («волшебная строка») создается не пользы для, а «для утешения души и слуха»: «Для утешения души и слуха / Рождается волшебная строка» («Струны»). И здесь мы подходим к одному принципиальному вопросу, касающемуся эстетических воззрений и предпочтений поэта. А они таковы, что невольно подводят к мысли: а не последователь ли Лео-

¹ А. Кацура прозорливо заметил: «Удел поэзии — вечность. Очень многие поэты — вне зависимости от масштаба — подчиняются магическому очарованию вечности. Таков и Леонид Чекалкин».

нид Иванович канонам чистого искусства? Понимаем, что такое предположение в наши дни может показаться ересью и анахронизмом, но, поверьте, есть достаточные основания для такого суждения.

Творческое кредо поэта, как нам представляется, ясно выражено в двух строчках: «И пересохшими устами / Небес восславить красоту» («Приход весны»). Семантический центр фразы сдвигается к последним двум словам: не столь важно, что именно и какими губами славить, а важна установка на прославление красоты. И этот принцип неоднократно проявляет и утверждает себя в поэзии Чекалкина: «Прекрасна пора увяданья — / Печален урок красоты» («Запас немоты»). Вот еще стихотворение, в котором лирический герой умиротворенно наблюдает «спокойный и бесшумный — весенний снегопад»:

Смешное лицедейство —
Снежинок суета,
Бессмысленное действие,
А всё же — красота!
(«Весенний снег»).

Точно также, наблюдая в другом стихотворении картину хаотического круженья снежинок в конусном свете фонаря, поэт замечает лишь одно: «И в беспорядочном круженье / Своя сокрыта красота» («Красота хаоса»).

Совершенное и прекрасное поэт готов увидеть в любом природном явлении, будь то устремляющиеся в небо дымы или осиротелая луна, прячущаяся за облачным покровом. И порой он признается в бессилии перед созерцаемой красотой: «Проявление этой красоты / Не опишешь бранным словом» («Мир безбрежный»). Призванный в мир для прославления «неземной красоты» («Простота») поэт признается и в том, что этого ему еще не удалось в связи с тем что

Не хватило пока мастерства,
Вдохновенья и трепета рощи
Там, где шелест любого листка
Гениальнее слова и прощя.

Таким образом, в восприятии автора природа не просто Храм Красоты, но еще и гениальный Творец, у которого можно поучиться простоте, ясности, безыскусности выраженья.

Даже о физической боли поэт говорит столь изысканно, что внешняя красота высказывания заглушает, переносит на второй план заключенный в строках смысл, а на первый выходит ощущение высокой поэзии:

Боль расслышать не дает:
То ли птичий перелет,
То ли вечность пролетает?
(«Перелет»).

И о разлуке говорится с такой щемяще-протяжной интонацией, что вопреки смыслу слов фраза обретает поэтическое очарование: *«Летящая тихо печаль расставанья»*. Выразительная пластика словесного изображения такова, что мы восхищаемся не столько содержанием строки, сколько ее звучанием.

Пейзажная лирика

В лирике Леонида Ивановича можно выделить две основные темы: жизнь природы в ее постоянной переменчивости и внутренняя жизнь лирического героя во всем многообразии ее проявления. Чекалкиным подмечен и лирически воспроизведен целый калейдоскоп природных превращений и перевоплощений. Именно в пейзажной лирике со всей отчетливостью проявляется зоркость и наблюдательность поэта, его умение опоз-

тизировать, придать тонкие лирические черты обыденным явлениям:

Осколок утренней зари
Упал с небес.
И задымился изнутри
Промокший лес.
Туман разбуженной весны
Лишь отделил
Едва родившейся листвы
Избыток сил.

Природа привлекает взор поэта даже тогда, когда оскудевает палитра красок и слякоть становится основой пейзажа («День, как награда»). Но при этом редко когда пейзажная картина замыкает в себе только пейзаж, почти всегда она приоткрывает настроение героя, его восприятие, чувствование, переживание момента. Так, например, легкий шорох шурги по карнизу, шелест листьев промерзлых в саду, нанизанный на посох холод ночи призваны для того, чтобы оттенить «потаенный упрек одиночества» лирического героя («Следы»). И описание летящего над дымящейся рекой спозаранок снега дается не только для выявления его чисто природных свойств («Этот снег такой породы — / Нивелирует цвета»), но и для того, чтобы вскрыть его воздействие на героя: «Этот снег врачует раны /И душевный непокой» («Спозаранок»). Нередко природные зарисовки перемежаются выражением любовного чувства, отношения к любимой: «А кусты и деревья — все в инее, / В белом панцире — вновь провода... Я живу твоим праздничным именем...» («Ожидание»). Созерцание природы порой подводит героя к философской рефлексии:

Ночной пейзаж привычно прост:
Высоких звезд извечное свечение.

*А что волнует больше — море звезд
Или одной звезды паденье?
Раздвинулся ночной простор.
Горит огонь многоязыкий.
А что тревожит душу — сам костер
Или костром отброшенные блики?
(«Дилемма»).*

А порой пейзаж становится поводом для выведения формулы жизни, соответствующей определенному возрасту и обретенному опыту:

*В небесном океане — звёздно.
И звёзд — не сосчитать,
И океан — не переплыть...
Ещё возможно — полюбить,
Разочаровываться — поздно.*

В связи с этим же стихотворением, отвлекаясь от темы, заметим, что производить внешний эффект — не характерная черта поэзии Чекалкина, и это у него получается как бы непреднамеренно, само собой, когда строки обретают силу крылатого выражения, как в заключительных строках приведенного пятистишия: сердце еще способно полюбить в зрелом и даже почтенном возрасте, но оно уже не способно вынести очередного разочарования.

Городской пейзаж — очень редкое явление в лирике Чекалкина, но и здесь превалирует не описание ради фиксации линий и изгибов, а для раскрытия прозрения души в отношении прошлого и будущего:

*Над арками Строгинского моста,
Где фонари — сутулы, узкогруды,
Где зябко от простора и остуды, —
Открылась вдруг такая высота,
Открылась вдруг такая глубина, —*

Не до веселья и не до улыбки:
Видна моя давнишняя вина,
Виднеются грядущие ошибки.
(«На мосту»).

Образная система Чекалкина, связанная с природой, многолика и широка, и мы коснемся лишь наиболее характерного. Так, в лирике поэта большое место занимает образ птицы. Вообще, на наш взгляд, вполне правомерно говорить о том, что в поэтическом словаре Чекалкина одним из самых частотных выступает «птица», и при этом со всей очевидностью проявляет себя еще одна черта: поэт предпочитает общее название конкретным. Так, на 42 употребления слов «птица», «птичья» в сборнике «Во имя» лишь два раза встречаются «журавли», да по одному разу «соловей», «стрижи», «чайки», «грач», «воронье». Семантика образа различна. В первую очередь (и это естественно), он выступает частным явлением реальной природы: «Как и эта внезапная птица, / Всполошившая криком пруды» («На излете весны»). Но птица может обернуться и метафорой поэзии: «...Птицу — вдохновения сестру» («Память нелюбви»), любви: «Прилетит хмельная птица — / Потеряешь песням счет» («Ожидание»), а если появление птиц сопровождается негативным шумовым эффектом («Налетели шумно птицы...»), то это явный признак неблагоприятия в отношениях с любимой: «Я — молчу, и ты — молчишь» («Феодосия»).

Из природных явлений наиболее тесная связь у лирического героя обнаруживается именно с птицей, крик которой почти всегда заключает в себе нечто вещее. И герой не только способен услышать этот зов, откликнуться на него душой, но и обрести способность к полету:

И запахами терпкими дыша,
Услышал вдруг, что птица прокричала...
На этот крик моя откликнулась душа,
Готовясь в небо улететь с причала.
(«Полночный причал»).

Любопытно, что даже стремительный почерк поэта чем-то напоминает птичий полет («по-птичьи стремительный почерк» — «Переделкинское поле»), и сам герой становится похожим на птицу во время работы за столом: «Я с птицей сходство нахожу, / Пока пишу стихотворенье» («Только звезды»), и даже слова, рабочий материал лирического субъекта, обнаруживают родство с птицами: «Слова это — вечные птицы, / Прекрасен их вольный полет» («Переделкинское поле»). Не случайно и то, что в перебранке невидимых птиц заповедного леса лирический герой улавливает «восторг поэтических дел», «поднебесную музыку» («Перебранка»). А порой сакральность образа обретает такие вещественные очертания, что трудно даже различить: «То ли ангел летит / То ли белая птица» («Новая зима»). «Тихие песни пернатой души» наряду с шорохами лета, приближают, способствуют наступлению рассвета, и лирический герой оказывается согрет спасительной мыслью о том, что еще возможно счастье на Земле, ибо — «птицы приносят рассвет» («Птичий рассвет»). Таким образом, птицы оказываются непосредственно связанными с понятием земного счастья для героя. С ними же связан и мотив пробуждения народа, проникновение в них высшего света: «И ранних птиц начнётся лёт — / Разбудит свет в народе» («Отклик»).

Одним из излюбленных в лирике Чекалкина становится и образ облака (более 30 употреблений в одном только сборнике «Во имя»), хотя не всегда данный образ выводится под своим непосредственным наименованием: «Воздушные замки витали по ясному небу» («Позд-

няя любовь»). Облака нередко выступают природным фоном свидания лирического героя с возлюбленной: «В небе облачко резное» («Феодосия»), «И облаков густое молоко / Не заменяет лик рассвета» («Ожидание доверия»). Наряду с солнцем и ветром облако выступает атрибутом явления первой любви: «Белым облачком пришла» («Первая любовь»). Порой облако оказывается не только прочно связанным с любимой, но и выступает неким символическим знаком, предвосхищающим ее появление: «Если в небе — летящее облако, / Я опять ожиданьем томим» («Ожидание»). В образе высокого облака герой способен различить черты любимой:

...Высокий облак необычный
Объявится среди подруг.
И в профиле его летящем,
Освобожденном от тревог,
Твой облик в свете уходящем
Я вновь увидеть смог.
(«Дух огня»).

Мотив узнавания любимой в образе облака повторяется и в другом стихотворении: «Если вижу тебя в его облике, / То вослед устремляюсь за ним» («Ожидание»).

Образ звезды выступает разнородным и разнокачественным. Так, например, весело спадающая с небосклона звезда отражает беспечно-хмельное, счастливое состояние героя: «Пролетит путем фартовым / Загулявшая звезда» («Ожидание»). Имеющая «далекое звучание» звезда выступает олицетворением обещанья, залога: «Молча в небесах ищу звезду... / Жду ее далекое звучанье, / Отклика обещанного жду» («Ожидание»). Порой звезда перевоплощается в богиню любви, возможно, в любимую, возведенную в ранг богини: «Надо мною восходит богинею / Неприметная прежде звезда» («Богиня»). В тексте образ богини никак не опредмечен, не привязан ни к любви, ни

к любимой, и в его интерпретации мы исходим из того, что данное стихотворение включено в раздел любовной лирики «Жаркий шепот» книги «Во имя». Наше предположение подтверждается и тем, что еще в одном стихотворении о явлении любимой говорится как о появлении звезды: «Надо мною лицо моей милой *вошло*» («Богомаз»), а еще «две бессонных звезды» выступают олицетворением любовных взаимоотношений влюбленных («Поздняя любовь»). Но, если звезде нет дела до бедственного положения лирического героя, она становится «немой» («Жар»).

Попутно отметим, что в поэтике Чекалкина неблагополучие в мире чаще всего подчеркивается эпитетом «немой»: «И открылось *немое* пространство» («Тропой доверья»), «И бессонниц *немая* толпа» («Сомнение»). Но парадоксальным образом этот же эпитет используется для выражения восторга перед вечным очарованием поры увяданья природы:

Прекрасна пора увяданья —
Печален урок красоты,
Дарующий в час расставанья
Запас вековой *немоты*.
(«Запас немоты»).

Образ ветра тоже переменчив: то он выступает олицетворением преград юности («Юность»), то «предвестником большого ненастья» («Предвестье»), то — неотъемлемым атрибутом наступления утра («Поскольку ветер — часть рассвета» — «Прощание»), но, если он оказывается связан с солнцем и весной, то уже символизирует угасание любви:

А если это свежий ветер мая,
И солнце — цвета крови алой,
Уйду под парусом, припоминая,
Как наше чувство умирало.
«Прощание»).

Довольно распространенным в поэзии Чекалкина является и образ сна, выступающий зыбким эквивалентом возлюбленной: «а ты — лишь образ сна» («Память нелюбви»). Иногда этот образ переносится на мир («он похож на сновиденья»), где лирическому герою довелось встретиться с возлюбленной, «образом милого явления» («Первая любовь»). Любопытно и то, что кризис в любви, негативные перемены в отношениях преподносятся поэтом через образ «не сна»:

И какие же могут быть сны,
Кроме сна, где спешу повиниться
Перед той, кто не хочет мне сниться...
(«На излете весны»).

А иногда сон становится олицетворением поэзии, творческого начала: «облекать сновидения в речь» («Тема беды»). В определенных случаях образ обретает черты сакральности: когда лирический герой впадает в особое состояние сбережения сна («сон стерегу») и он оказывается способен услышать «птиц на своем берегу». «Свой берег», по всей вероятности, — символический образ личного сакрального пространства, куда другим нет доступа. Сон поэта сродни хмелю, он помогает, вселяет веру в возможность возрождения: «Летучих снов глотаю алкоголь, / И в собственное верю возрожденье» («Последний день»). Сон — даже тревожный! — для героя не нелепица, а «краткий отдых для души» («Снега»). Но он оказывается характерен и для природы, где стоит на страже всего сущего, земного: «Охраняет море, сушу — / Сон земной» («Звездный дождь»).

Порой отдельные образы оказываются взаимосвязаны невидимыми нитями, перекликаются, выстраиваются в единый образный ряд для более отчетливого выражения сути явлений. Так, например, сон и ветер рождают в воображении героя образ любимой: «Едва

рожденный сном и ветром, / Всплывет твой образ в тишине...» («Дух огня»), а образы сновидения, ветра, птиц и высокой звезды сливаются «в бесконечную песню разлуки, / где главенствует тема беды» («Тема беды»).

Лирический герой

Осознавая жизнь подарком («Жить — не лень»), пройдя через «мучительные, нежные, веселые» и «прекрасные уроки» любви, герой Чекалкина порой чувствует себя «счастливей всех на свете» («Послание любви»). Может показаться, что это противоречит другому устойчивому мотиву — одиночеству, но, тем не менее, они сочетаются, вероятно, сменяя друг друга время от времени. Для лирического субъекта — творческой личности — одиночество превращается в необходимое условие занятий поэзией: «Мне одиночество дано/Для избавленья от словес» («Отдых»). И все же иногда оно становится таким невыносимым, что вызывает мольбу, больше напоминающую крик от боли: «О Господи мой, милосердный! / Ты знаешь, как я одинок...» («Молитва»).

Состояние одиночества усугубляется мотивом беды и боли. Лирический герой осознает свою жизнь как несчастье: «Я понимаю: жизнь моя — беда» («Памяти Марины Цветаевой»). В другом стихотворении о прожитой части жизни он говорит не иначе, как «пережив этой жизни остуду» («Возвращение в юность»), и даже начало новой жизни напоминает ему вкус беды: «Начинаю жизнь сначала — / Вспоминаю вкус беды» («Новая зима»).

Боль тоже выступает постоянным спутником жизни: «Былая боль была живой» («Рискованно»), «Философия боли — жива» («Переполнена чаша»), «Я живу одолением боли» («Одоление боли»). И это ощущение становится до такой степени привычным, что даже в те моменты, когда она отступает, герою не верится в освобождение от нее:

Боль отпустила. Боже! Больше нет её!
Но что же делать? Как же дальше жить? (...)
И разве может быть без боли житиё?
(«Второе рождение»).

Основным временем действия в стихах Чекалкина нередко выступает ночь. Характерная деталь: только в двух сборниках «Вопреки» и «Во имя» можно встретить более 20 стихотворений, в заглавии которых фигурирует слово «ночь»: «Время ночи», «Тихая ночь», «Ночь на озере», «Тайна ночи», «Колдовская ночь», «Полночный причал» и т.д. Ночные часы, как правило, отводятся литературной работе: «Снова ночи — бессонные будни, / Благодатное время труда» («Будни»), «Продлённая пауза ночи / Наполнена тайным трудом» («Переделкинское поле»), «Подступает к сердцу полночь — / Творчества сестра» («Одиночество»). С этим и связаны расставляемые поэтом приоритеты: «А любое время ночи / Мне дороже света дня» («Время ночи»). Любопытно, что ночному труду поэта «сопричастно» сопутствует «живая звезда» («Время ночи»), одна из граней которой воплощает в себе поэтическое начало.

Вообще нужно признать, что герою дорого любое время, когда он отдается творческому поиску, будь то время осени или дождя:

Задождало. Время это —
Не безделья, не тоски.
Это — праздник для поэтов,
Для рождения строки,
(«Осень»).

И все-таки наиболее излюбленным временем суток для лирического героя является час рождения дня, и он с особым пристрастием наблюдает за ним:

Привычка многих лет —
Следить, как тает мгла
И власть берёт рассвет,
Чтоб нежность ожила.
(«Рассвет»).

Именно это мгновенье он рад приветствовать во всеуслышание: «Здравствуй, утреннее чудо — / Солнечный восход!» («Рассвет на озере»). Его стихи полны признаний о трепетном ожидании этого часа: «Дожидаюсь прихода рассвета» («Птичий рассвет»), «Встречаю раннюю зарю» («Свободой дышу»), «Жду осеннюю зарю» («Захолустье»), «Почему мне нужно очень / Встретить огненный рассвет» («Жить — не лень»)...

Эта пора ему дорога не только тем, что в эти минуты «любви миновавшей приветы / порой присылает заря» («Послание любви»), и не потому, что без его соучастия остановится ход времен: «Не усну и подожду рассвета, / Чтобы день вступил в свои права» («Зимовье»), а потому, что именно в этот «час ожидания рассвета» можно поймать «восхода трепетную нить» («Полнолуние»), чтобы «в чистом утреннем зареве» небесный свет перетекал и оставался в поэте («Богиня»). Именно с образом рассвета (кстати, в одном только сборнике «Во имя» приводится четыре разных стихотворения с одним и тем же названием «Рассвет») связывается мысль о возможности счастья на земле: «На земле еще может быть счастье, / Если птицы приносят рассвет» («Птичий рассвет»). Именно на заре «сподвижник туманных минут» замечает, что «утренний труд / проясняет сознание мудро» («Рассвет»), «развивается ужé / напоённая рассветом / мысль в разбуженной душе» («Ледоход»), и тогда приходят точные, необходимые для выражения своей творческой индивидуальности слова: «И слова пришли, и вот — / Свет забрезжил еле» («Свет забрезжил»).

Именно в это время ветер приносит ему «Трепет утренней строки» («Время ночи»), а заря, наконец, облакает в слова мучившие всю ночь поэта образы:

А зарницы — тревожные птицы,
Покидая навек небеса,
До моей долетели страницы,
И слова обрели голоса.
(«Голоса»).

Явление зари соотносится с профессиональным промыслом поэта:

Я увижу, как огненной птицей
Свет летит в облака —
Оживёт на небесной странице
Неизвестная миру строка.
(«Два стихотворения»).

Вообще, можно заметить, что в поэзии Чекалкина творчество неоднократно сопрягается с образом неба: «По воле высоких небес / Земные рождаются строки» («Гостеприимство»), «А это небеса — без берегов, / Как вдохновенье у поэта» («Полнолуние»). Внутренний мир героя, еще не раскрытый до конца творческий его потенциал тоже соотносится с беспредельной широтой и глубиной неба: «Не дано найти предела / Небу, скрытому во мне» («Вьюга»). Видимо, поэтому поэт трепетно прислушивается к голосам неба («Ночь — жива»), и вдохновение им понимается именно как «тихое умение слышать трубы / ангелов в заоблачной глуши» («Вдохновенье»).

Не случайно и то, что свое творческое состояние поэт нередко связывает с полетом, парением: «в облаках парю горящих» («Климат»), «воспарил над сонною страной» («Над лексикой нового века»), «Витаем с птицей в облаках. / А выше — звёзды, звёзды» («Только звёзды»). Высокое положение поэта во время творческого акта

подчеркнуто и в первом стихотворении, открывающем сборник «Во имя»: «Надо мною — только небо. / Больше — никого» («Надо мною — небо»). И в таких случаях, как правило, беда и боль преодолеваются, отступают под напором творческой энергии:

Но если мир земной — не мил,
Скажи, кому какое дело,
Что я немало трачу сил
На то, чтоб небо пело?
(«Ночь одиночества»).

Как видим, результат творческой деятельности поэта позитивно сказывается на состоянии мира. Выделим развитие поэтической мысли: от немилого земного — через творчество — к небу, воплощающему в себе все возвышенное, духовное, божественное. А отсюда — мотив служения ему в качестве лирического атланта:

Обретённая свобода
Мне досталась для того,
Чтобы купол небосвода
На плечах держать легко.
(«Начиналось утро»).

О лирическом герое Чекалкина можно поведать еще много интересного и необычного. Так, например, его занятия порой кажутся настолько причудливыми, что понять и объяснить их с рационалистической точки зрения невозможно:

Пока же литься свет
с небес не устаёт, —
не знает сна поэт
и листьям счёт ведёт. («Льётся свет»).

Мы замечаем, что этот беспечный созерцатель, находящий свой смысл в том, что, с житейской точки зре-

ния, абсолютно бессмысленно, не совсем от мира сего: «Я в открытый ковш ладоней / Собираю тихий свет» («Покой»), «К голосам прислушиваюсь неба» («Ночь — жива»), «Я слышу: тает снег» («Тает снег»), «Понимать ручья живую речь» («Сорняки и злаки»), «В небесное верить молчанье / И слышать дыхание волн» («Молитва»)... Но мы понимаем, что именно вот эта «чудная» сторона его личности и позволяет ему стать Поэтом.

Лирический герой осознает, что ему «с рождения подарен неброский талант» («Творчество»), что сердце его «чутко точные чует слова» («Таёжный север»), и «самой судьбой придуман долг — / таить в душе стихотворенье» («Поэзия»). Ощущая за собой «умение чувствовать чудо: / вылавливать в вечном просторе / бесшумно летящие звуки» («Чувствовать чудо»), «чуют в небе нежность зорь» («Сон основ»), лирический субъект берет на себя непростую обязанность «вызволять запасы слов / для служения искусству» («Сон основ»). И он трудится над тем, чтобы смысл собственной судьбы «явился точным в слове» («Оттиск судьбы»).

Поэтический дар героя Чекалкина осмысливается им как божий дар («И родятся слова не напрасно, / Божья воля на это дана» — «Будни»). Чаще всего божье имя в стихах заменяется образом неба:

Из чаши неба пригубил,
Наполненной нектаром.
И получил немало сил,
И отдаю их — даром.
(«На грани»).

И сама поэзия воспринимается им как «небесное явление». И так как он призван «увязать небесное явление / с буднями рабочими судьбы» («Ночной труд»), то он и осознает себя «связующим / меж землей и небом» («В ночном»).

Литературный труд бесконечен: «иду, иду — и нет конца пути» («Творчество»). В другом стихотворении

поэт мучительно размышляет о природе своего дара и в конце сна приходит к той же мысли безостановочно-сти творческого процесса:

Зачем дана возможность эта —
Ночной порой, или в часы рассвета
Случайный дар торжественно беречь
И понимать ручья живую речь?
Внимать и шорохам травы,
И шелесту, и шепоту листвы;
И зверя зычный голос узнавать,
Залётным ветром доносимый?
Зачем еще другая сила —
Любить людей?
Чтоб от людей — сгорать?
Зачем — не знаю, почему — не знаю.
Живу, остановиться не могу.
(«Сорняки и злаки»).

Подчеркнём, что в контексте стиха «живу» прочитывается как «творю», ибо для поэта жизнь и есть сплошное творчество. Таким образом, поэзия оборачивается смыслом существования героя вообще. И потому даже окончание своего земного срока им воспринимается не как конец жизни, а как невозможность продолжать заниматься далее своим любимым делом:

Но настанет мгновенье
В неизвестном году —
Смолкнет сердца биенье,
Бездыханным паду.
Тростником я не стану
На ином берегу, —
Просто я перестану
Делать то, что могу.
(«Живу»).

Герой, осознавая, что «в светлом мире» жизнь «спешит к концу» («Не сбиться с пути»), не может не задумываться о смысле, назначении собственных творений:

И путь мой к закату стремится уже,
А труд — не заметен, — вершится в душе.
И, вроде бы, толку в нём мало — ни хлеб, ни зерно.
Но строки рождаются, и, значит, есть прок:
*Кому-то — надежда, кому-то — в урок,
Но, главное, всё-таки — свет, если в мире темно...*
(«Свет»).

Таким образом, значение собственного творчества поэтом осмысливается как служение свету, по словарю символов и знаков, олицетворяющему в себе святость, благородство, красоту, мудрость, добродетели.

Завершая разговор о лирическом герое Чекалкина, заметим, что между ним и личностью самого автора никакой непреодолимой преграды не существует, более того, они накладываются друг на друга и представляют одно и то же лицо. Характерным в этом плане представляется и то обстоятельство, что в творчестве Чекалкина практически нет места ролевой лирике, ролевому субъекту: всегда и везде автор говорит от своего имени, и природа, и все ее многообразные проявления, как мы могли заметить, представлены сквозь собственную мировоззренческую призму.

* * *

На один из вопросов моей анкеты Леонид Иванович ответил: «В современной поэзии ощущаю себя заброшенным островом в океане». Комментировать троп поэт не стал, но нам представляется, что за этими словами стоит горечь от того, что, будучи поэтом, и поэтом истинным, он остается малоизвестным, критика не ба-

лует его своим вниманием, наличие публикаций о нем можно сосчитать пальцами одной руки. А между тем, Илья Клейнер — философ, прозаик, поэт, художник, — чьему эстетическому вкусу можно доверять, признавая Чекалкина «явлением чисто русским, чисто национальным», не только «явлением искусства, но и явлением в искусстве», отводит ему «одно из ведущих мест в первой десятке отечественных поэтов». Что ж, будем надеяться: «Пониманье и признанье — / Снова впереди».

Подводя итоги последнего десятилетия XX века, В. Славецкий в монографии «Русская поэзия 80 — 90-х годов XX века» констатирует: «Со смертью Р. Рождественского закончились соцреализм, собственно советская поэзия, со смертью И. Бродского — специфическое новейшее барокко (...). Со смертью А. Иванова кончилась эпоха прямолинейной советской пародии. После кончины Б. Окуджавы иссякла бардовская традиция. А неожиданная смерть Вл. Соколова словно завершила целую эпоху традиции русского лиризма».

Вероятно, по большому счету, Славецкий прав. И, тем не менее, читатели Чекалкина не могут не усомниться в последнем тезисе литературоведа, потому что перед ними — образец чистейшей лирики, впитавшей и продолжающей лучшие традиции классической русской поэзии.

Одинокий небожитель

Странная и чарующая, исполненная какими-то волшебными и томительными чуждами ежедневная, бессонная погоня за собственным талантом в его стихотворном самовыражении. С чем можно сравнить эту погоню? С ловлей осеннего листа бледной рукой ребёнка? С поисками таинственной чаши Грааля? А может её уподобить пению морских сирен над седеющим сердцем Одиссея? А, возможно, сия погоня не что иное, как наркота, самообман, иллюзия найти забвение в этом неспокойном и страшном мире? А, может быть, это есть бесконечный бег по кругу за своей прекрасной незнакомкой, когда поиск частного, единичного, пройдя расступов воспалённого воображения, вдруг неожиданно заканчивается найденным поэтическим образом, торжествуя победу над всеобщим хаосом, являя бессмертие мятежного духа поэта?

Все эти сравнения (и те, которые остались не озвученными) вполне применимы к природе поэтического творчества и, в первую очередь, к поэтической судьбе моего старинного друга Леонида Чекалкина, во имя которого я, говоря откровенно, и взялся за перо. Говорить о его даре мне легко и одновременно трудно. Легко — потому, что между нашими представлениями о поэзии нет стены отчуждения, потому, что я мысленно переношусь в его поэтическую капсулу и растворяюсь в ней. А трудно потому, что говорить о его поэзии — это значит размышлять о роли и месте поэта в современном мире, о его трагическом предназначении в стране оглохнувшего уха. Чтобы обходить моря и земли, и глаголом жечь сердца людей, как некогда говаривал Александр

Сергеевич, нужно иметь, прежде всего, такие сердца сограждан, готовых и умеющих воспринять слово Поэта. Увы, сегодня таких сердец в России весьма немного. К сожалению.

Несомненно, Леонид Чекалкин — явление в нынешней отечественной поэзии, явление чисто русское, чисто национальное. Его корневая сила в праматерии сугубо русской действительности, в её природных и духовных слагаемых. Его нельзя отделить от всего российского, славянского, от этих огромных снежных просторов, пылающих восходов и закатов, от нежного звона ручейка на лесной поляне, от курлыкания журавлей и перезвона колоколов над древними церквами и погостами.

Поздний час священного безмолвья./ В дебрях леса — осторожный сон. / И душа, испытанная болью, / Глубоко упрятала свой стон. / И открылось новое дыханье: / Воздуха вдыхаемый объём / Ощутить позволил колыханье / Запахов, пронзивших окоём. / Сердца учащённое биенье, / И волненья скрытые следы / Помогают ткать стихотворенье / Под приглядом утренней звезды, / Чтоб ночной эпохи откровенья / Жизнь продлить сумели до утра.../ Чтобы эти вспомнились мгновенья. / Если память выметут ветра...

Органичная соединённость поэтического взгляда и окружающего российского ландшафта рождает свою естественную форму в творчестве Леонида Чекалкина, такую близкую и родную русскому мироощущению и миронахождению. Здесь нет никакой вычурности, жонглирования словами ради надуманного ленивого многоумничания, так называемого поэтического выпендрёжа. Всё свободно, всё исполнено чарующим лиризмом поэтического дыхания. И всё, как будто, в первый раз, как при первых днях сотворения мира:

День, угасая, / Видит: строга — / Муза босая / Уходит в луга. / Смятые травы / От самых корней — / След

от потравы / Вольных коней. / Скрытые гнёзда, / И птиц
голоса./ Первые звёзды / Луны полоса. / Сладкою болью
/ Свободно дыша, / Кланяясь полю, / Ликует душа.

Поэзия Леонида Чекалкина сродни кисти Левитана. Здесь могут быть небольшие поэтические зарисовки-этюды и средней формы стихи, включающие неожиданно в свои точные и точечные образы-миниатюры огромнейшие, воистину космические пространства читательского сопереживания, а, точнее — читательского соавторства. Именно данная черта чекалкинской поэзии — вызывать на ответное откровение, на ответное сопереживание читателя выгодно отличает её от литературного труда большинства поэтов нынешнего времени, делая его поэтический труд общезначимым не только в гражданском, но и в эстетическом значении. Он пишет стих, как художник-реалист пишет пейзаж: всё узнаваемо, всё точно схвачено и подмечено, рисунок чётко выделен, композиция строго прочерчена, размер ямба или хоря, так любимый им, точно соблюден: Тонкий-тонкий, / острый-острый / серп ночной луны./ там, где облако,/ как остров / тишины. Звонкий-звонкий, / чистый-чистый / голос соловья. / Вся земля — / святая пристань / звёздного огня. / Грустный-грустный, / нежный-нежный / зов вдали, / согревающий безбрежье / неба и земли. (К слову, ямб — форма размера, особенно любимая всеми поэтами мира. Начиная от древнегреческого Архилоха до Шекспира, Мильтона, Чосера, Вольтера. А наши русские поэты, такие, к примеру, как Пушкин, Лермонтов, Тютчев. Некрасов просто купались в нём, считая его наиболее совершенной и гармоничной формой. Может быть, оттого, что здесь перед ними было безупречное чередование ударение в слогах: ударный — молоточек вниз, безударный — молоточек вверх. Любовный дуэт инь и ян мужского и женского? Мистика древности? Возможно, и так. Но мы отвлеклись).

Лирика Чекалкина идёт от классического наследия русского стихосложения и, в первую очередь, от поэтического завещания А.С. Пушкина. Вот эта пушкинская сердцевина, пушкинский язык, ставший основой общерусского литературного языка есть то неистребимо ценное, что делает поэзию Леонида Чекалкина не только явлением искусства, но и явлением в искусстве. Возьму навскидку любые две строчки Чекалкина:

...Поэзия, она почти — безумство, /Как быть, в которой правит боль

Вроде бы, всё так просто. Но это на первый взгляд. Вчитайтесь повнимательнее и постарайтесь почувствовать вот эту связь между «безумством, былью и болью» и вы поймёте, что не так-то всё просто.

(Почему-то в этом месте припомнился один эпизод из жизни Ильи Ефимовича Репина. Однажды к нему в мастерскую зашёл человек и, глядя на его полотна, произнёс: «Как это у Вас всё просто!». Художник отошёл от мольберта, а затем задумчиво произнёс: «Потрёшь раз со ста и будет просто»).

У Чекалкина простота многодельная, многотрудная. Добиться подобного уровня просветлённости и точности слова, его образного ограна — удел воистину достойных мужей поэзии.

Я сознательно не буду говорить о том, как его слово переливается новыми смыслами, какими неожиданными метафорами он блещет. Я не буду сознательно говорить о тончайшем настрое его сердечной лиры и месте её в современном поэтическом опыте России. Всё это дело сравнительного литературоведения и профессионального вкуса исследователей его творчества, которые должны придти к нему ещё при его жизни.

Непонятно, почему, в силу каких таких причин наша критика упорно замалчивает поэзию Чекалкина. А ведь он по праву занимает одно из ведущих мест в первой

десятке отечественных поэтов. При жизни, господа литературоведы, нам надо ставить памятник живым. Известно, чтобы стать великим, надо умереть. А если при жизни воздать должное? Я понимаю, что «Не до ордена — была бы Родина!». Но — «Всё же, всё же, всё же...»

Выпущенные в последние годы поэтические сборники Леонида Чекалкина, особенно такие, как «Тропа доверия», «Солнечное сплетение», «Февральская страда» свидетельствуют со всё возрастающей очевидностью, что перед нами действительно большой художник слова, со своей глубокой философией и тончайшей лирикой. Сегодня у моего друга настоящий *Renessans* — пора поэтического кватроченто. Он ежесуточно находится во всё возрастающем вихре поэтических образов. Нельзя остановиться, нельзя выходить из этого урагана мелоса. Может случиться непоправимое. Кажется, что не он ведёт слово за собой, но слово ведёт его в необозримые дали, где мерцает некий Божественный идеал, такой желанный и такой недоступный. На этом продвижении к своему небесному двойнику, к своему волшебному идеалу я вижу, нет, скорее не вижу, но ощущаю или даже предощаю такие поэтические откровения моего друга, когда он перейдёт, вне зависимости от своей воли и сложившегося бытоустройства, к совершенно новой палитре поэтических красок и образов. Может быть, я ошибаюсь, но, как мне подсказывает интуиция художник, дальнейшие завоевания моего друга будут обязательно проходить и затрагивать такие животрепещущие темы, как одиночество и покинутость человеческого существа, с одной стороны, и Божественная любовь и сострадание, с другой стороны. Его взгляд, проходя через кровоточащее сердце отверженного лирика, постепенно будет напоминать взор, устремлённый в необъятные просторы Вселенной. Через себя — к миру, и через мир — к себе, через свой поэтический

язык — вот тот единственный путь, по которому суждено пройти моему другу. Именно таким образом поэтическая исповедь превратится в поэтическую проповедь, не теряя при этом первозданно-индивидуальной природы своего лирического послания миру.

И, по Гамбургскому счёту, совсем не важно, поймут ли тебя близкие на квадратном метре совместного проживания, прижмутся или не прижмутся своей щекой к пылающей строке из нового сборника. Не важно! Куда отрадней будет одинокому поэту узнать, прослышать, что где-то в сибирской глухомани маленькая сиротка продохнёт на морозном стекле всего лишь одну строчку из книжки моего друга. Значит, — не зря, значит,— стоило, значит — и за то, — это единственное «спасибо» Богу!

Андрей Ипполитов, поэт

«ЗИМНИЙ ЗНОЙ»

О книжке стихов Леонида Чекалкина

Совсем недавно, я, давно интересующийся историей и судьбами то ли умирающей, то ли возрождающейся одной из неотъемлемых сторон российской культуры — поэзии, — я, испытал нечто новое, на фоне всего, что ныне в «тусовках» имеет место, познакомившись с книжкой стихов Леонида Чекалкина, должен сказать нечто такое, после чего Вы, мой дорогой Читатель, если Вы возьмёте в руки книжку поэта, обязаны будете её прочитать.

Я скажу только то, что ощутил, в меру своей собственной осведомлённости, собственного вкуса, благодаря, или скорее, будучи обязан ПРОВИДЕНИЮ, чем, ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ, прочитав книжку автора милую и значительную книгу. Рискну привести одну-две строчки, в которых, как мне кажется, содержится та изюминка, что заставила меня оставить ироничный взгляд. К примеру, вот это:

*Из чаши неба пригубил,
Наполненной нектаром,
И получил немало сил,
И отдаю их — даром.*

Даром ведь, чёрт побери...Нынче не часто встретишь. Я лично знаю Леонида Ивановича. Это действительно сильный человек, прошедший предложенные Судбюой столько испытаний, что не приведи Господь. (а, может быть, наоборот, дай каждому из нас, желающему носить простое прозвание «Мужчина»).

Ответственный за Судьбы?

А не отсюда ли нам следует вести отсчёт ныне заезженного, но от этого отнюдь не умершего понятия «патриотизм»...По крайней мере, нектара не в избытке было отпущено...

А ведь — отдаёт! И — даром.

Не найдя (или не захотев найти) зазубринок, присущих любому штучному изделию ручной работы, а такими именно я и вижу стихи Л. Чекалкина, вроде изделий деревенского умельца-кузнеца, на первый взгляд, грубоватых, а при дальнейшем рассмотрении — неповторимых, и — в дальнейшей жизни — становящихся тем, что будут названы изящными, уникальными (в общем, одно слово — ручная, штучная работа), именно так я к ним и отношусь теперь.

Никто и не спросит самого себя, а что же, собственно, нового в этих песнопениях?

И так уж прост этот самый певец, он же — кузнец, он же — лирик?

И почему иной любознательный читатель всё же остановится на прочитанной строчке, а потом, глядишь, и вернётся к уже прочитанным страничкам?

И так уж ли изыскан его вкус?...

И почему, например, в этих, на удивление легко читающихся стихах так часто, по сравнению с, казалось бы, равноправными знаками препинания, так часто употребляется знак «тире»?

Или — в скольких стихотворениях упоминается небо?

Или — в скольких строчках присутствует слово «Бог»?

Почему так мало «Бога», или, даже вовсе нету, по тексту?

Но почему, тогда, так много неба?

И не приходит нам, грешным, в голову, что здесь — всё от Бога, хоть и не часто упоминается сам Властитель... И приходит на ум — «...не упоминай всуе...».

И — не упоминает, а мы видим...

А теперь — собственно — о литературе.

Возьмём для начала хотя бы название книги избранных стихов. И что же это такое — «ЗИМНИЙ ЗНОЙ»?

Во-первых, само словосочетание может о многом рассказать (если прислушаться, конечно, к этому дублированному звенящему звуку «З», пригреться, или продрогнуть от этого ЗНОЯ)...

Отчего же одновременно и холодно и нестерпимо жарко становится при углублении в контекст (или, как сейчас модно выражаться, в контент...)? Во-вторых, разве так бывает?

В природе — нет. В душе — сколько угодно. Но, чтобы это подметить, чтобы нам с Вами это почувствовать среди зимних морозов, и вздрогнуть, как от ожога, как раз и нужны нам эти люди, художники, поэты, со сдвинутой крышей, но не мешающие нам жить, а, наоборот, помогающие полнее прожить нам тот короткий отрезок времени, отпущенный каждому из нас...

Так давайте не поленимся, посмотрим, почему же — ЗИМНИЙ, но всё же — зной...

Рублёв писал ОБРАЗА. Верещагин писал ВОЙНУ. Суриков писал ИСТОРИЮ. Левитан и Бунин писали ПРИРОДУ.

Леонид Чекалкин пишет, прежде всего, ...погоду.

Погоду своей родины. Малой и большой.

Города.

Страны.

Души, наконец.

Правильно, но об этом сегодня не будем.

Давайте сегодня о Жизни!

Так, где же зимний зной? Нужен ли он нам сегодня?

Холодно? Согревает. Жарко? Холодит...

А без этого — как быть дальше? Далее должно цитирование, но — просто читайте!

Ступина Надежда, литератор, критик

«Скрытое свечение» поэтической строки Леонида Чекалкина

Прозой о поэзии всегда говорить трудно. Как ни усердствуй, будто сквозь пальцы, утекает нечто, что собственно и есть Поэзия. Но мы так обделены сегодня возможностью видеть и слышать красоту слова. Особенно если его отличает камерность интонации, «импрессионизм» мысли, филигранность формы. Тихий и проникновенный голос поэта Леонида Чекалкина, услышав однажды, не забудешь. В нём та особая негромкость, что способна заглушить ненужный, «наружный» (Ф.Тютчев) шум суеты повседневности, негромкость, открывающая путь к гармонии звука, слова, образа. Только бы не пройти мимо.

Пишу без надрыва и маски.
Важней для меня не сюжет.
А блики, оттенки окраски
И — чуточку — собственно свет.

Эти строки с удивительной точностью передают стилистическую особенность творческой манеры Чекалкина — передать едва уловимую игру природы и человеческой души, их прихотливые сплетенья.

Ах, теперь очнуться мне бы,
Записать ту мысль в тетрадь,
Чтобы тающее небо
Мог я воссоздать.

Поэт стремится «воссоздать» живой мир: это «распри дня» (куда о них денешься) и «отвага с ветки пав-

шего листа», волнующие «соблазны октября» и зимнего «дыханья белое цветенье», колокольный звон, что одаривает «строку высотой»... Кто ты поэт? Наблюдатель-созерцатель? Да. Созерцание твоё вдохновенно. «Иногда молчание — лучший ответ», — кто-то мудро изрёк. Когда читаешь томик стихов Чекалкина молча, одними глазами, воображение «рисует» пейзажи чарующей осени, или «волшебницы-зимы», а то слышится потрескивание костра и вместе с искрами огня, взлетающими ввысь, к небу устремляются и думы. В природе всё переменчиво, зыбко. И стихи словно откликаются на эту неуловимость. Они — воспоминаний «длинный свиток», где есть место душевным ранам, которые врачует время, мужеству признания вины и исповеди поздних сокрушений. «Слёз печальных» не смыть — не свершается жизнь без ошибок и проступков. Омывающие, покаянные слёзы нужны,

...чтоб встрепенулась каждая душа,
Забывшая, что близок час разлуки.

Услышим в потоке будней праздничную радость настоящей поэзии, где каждое слово, как сказал бы народ, что жемчужина окатная.

Шёпот, услышанный в шуме
Тёплого майского дня,
Снова меня надоумил
Праздник устроить огня.
Только закат растворится
В рясе ночных облаков,
Пламени яркая птица
Вырвется вновь из оков.

В небо вспорхнувшие искры,
Таинство тьмы осветив,

Время подарят для мысли,
Той, чей полночный мотив
Помнит о шёпоте в шуме
Тёплого майского дня,
Где меня Бог надоумил
Жить по закону огня.

Поэт хочет быть услышанным. Существует и великое искусство художественного чтения. Звучащее слово Чекалкина обретает магическую силу, поднимающую к высотам духа. «Здравствуй, небо!», «Весенняя весть», «Горница» — от самих названий книг возникает чувство полётности. В стихотворении «Живой» переданы ощущения лирического героя, наверное, близкие каждому мыслящему человеку — это состояние, когда ты как бы находишься между двумя мирами:

Между мирами — близким и далёким.
Меж тем, где до сих пор живу.
Где позже буду жить — в полёте,
Который не изведен наяву.
Но существует — в этом я уверен.

Уверен поэт и в том, что земной путь не может и не должен быть лёгким. Более того препятствия для творческого человека — вещь неизбежная. Преодоление — способ жить и творить. Цель — в преодолении возрастать духом: находить силы прощать, устоять самому, когда ветер в лицо, и подать руку помощи более слабому. Поэтому нет в его стихах места унынию. Ну, а если отчаяние сдавит горло... писать. Искать и находить спасение души в Слове.

Я столько раз от страха умирал
Отца во имя и во имя сына.
Казалось, в страхе силы исчерпал,

И всё-таки хватало силы
На то, чтоб прежней возродить
Утратой скомканную речь.
И волю — волей укрепить.
И память — памятью сберечь.

В книге «Госпитальный парк» память запечатлела долгий и суровый бой жизни и смерти у изголовья поверженного недугом поэта. «Госпитальные дела» с их бессонными ночами и реанимацией остались в прошлом. И было это испытанием на выживание. Ради возвращения к простым житейским заботам — «прозе суетных дел бытия». Ради трепетной для творящего радости чувствовать «пульс наполненный строки». Ради знакомых всем живущим «минут восторга» видеть белый свет. Боль ушла, и на её месте забил родник «чистых звуков»:

А путь мой к закату подходит уже.
И труд не заметен — вершится в душе.
И, вроде бы, толку в нём мало, но — Богом дано —
И строки роятся, и, значит, есть прок:
Кому-то надежда, кому-то урок,
Но, главное, всё-таки — свет, если в мире темно...

Скромно видит свою задачу автор: «Успеть слова любви проговорить», а всякий день принимает как награду, даже если «слякоть — основа пейзажа». Стихи хочется цитировать полностью — так целостны они, и льются, как песни. Яркий пример — двенадцать строчек под общим названием «Надежда»:

Не пойду на поводу
Праздного совета,
А отправлюсь по воду.
К логову рассвета.

Зачерпну ведром воды
Из глубинной теми —
Проглочу упрёк беды,
Обуздаю время.
И пробьётся робко свет
Из высокой дали.
И отыщется ответ
На вопрос печали.

«Вечную тайну случайной строки» Леонида Чекалкина разгадывать и разгадывать. Свет его поэзии не жжёт, а согревает. Это свет мира, понимания, сострадания, искреннего удивления Божьим миром. Свет веры в победу духа. Самого поэта можно смело причислить к победителям. В 2006 году им было создано 12 книг, которые вошли в трёхтомник избранной лирики с символическими названиями: «Вопреки», «Не во зло», «Во имя». За эту работу он был удостоен звания дипломанта Национальной экологической премии «ЭКО МИР». Каждая новая встреча с замечательным русским поэтом дарит надежду на то, что боль утихнет, туман сомнения рассеется, тьма отступит. И верится: вот-вот «отыщется ответ на вопрос печали»...

Ступина Надежда

«Честный праздник среди буден» — о поэтическом творчестве Леонида Чекалкина

Я — сподвижник туманных минут
Ожидания нового утра...

Л. Чекалкин («Рассвет»)

В народе поэты нередко слывут чудаками. Но он же, народ, исстари говорит: «Бог посылает чудо чудакам». Кто способен верить в чудеса, с тем они случаются. Поэты — вдохновенные сердца. Они не просто верят, но и сами становятся чудотворящими источниками. Во все времена поэтам выпадает особая миссия: им вручается великий дар и драгоценная ноша — Слово, силой которого творятся чудеса. И разве не чудо, когда мы, читатели, взлетаем душой над утомительной одинаковостью будничной суеты, созерцаем и слышим внутренним оком и слухом открывающиеся перед нами горизонты мысли и чувства, навеянные поэтическими строками?

Звон счастливый колокольца
Потревожил сон полей —
Кольца радужные солнца
Свет роняют веселей.
Снегом хвастает равнина
Снегу сдавшаяся в плен
С небом праздничным сравнима
В дни погожих перемен...
Путь ни близкий, ни далёкий —
Снег летит из-под копыт.
Ощущение полёта —
Смысл, который не забыт...
(Полёт)

«Праздничное небо», снежное богатство русских полей, «дни погожих перемен»... — празднично-светлое настроение дарят стихи Леонида Ивановича Чекалкина, московского поэта, романтика, лирика, философа, учёного. Ему свойственно удивительное качество, о котором можно сказать его же словами:

Умение чувствовать чудо —
Ловить в бесконечном просторе
Бесшумно летящие звуки...
(Чудо)

Каждое прикосновение к творчеству Л.Чекалкина — радость, упоительное чувство красоты словесных звучаний уже не однажды, но будто внове, свежо прочитанных, «прожитых» стихотворений.

«Осенняя пристань», «Горница», «Шёпот, услышанный в шуме», «Госпитальный парк», «Весенняя весть», «Здравствуй, небо!» «Вечное время», «Во имя», «Ветер удачи» — далёко не полный перечень написанного и изданного за четверть века.

Календарным верю числам
Приглашаю ветер в дом,
Наполняю будни смыслом —
Созидательным трудом.
Как бы ни был труд упорен,
Целью праздничной маля,
Прекратится ход историй
Без душевного огня.
(Ход историй)

Художественный мир поэта — «владения томительной точности слов и тайной печали подтекста». Как хорошо в его «владениях»!

Без фальши

Сужу по погоде,
Как делали встарь:
Уже на исходе
Суровый январь.
Ни тени роптанья,
Ни слова в укор
За сбитые ставни
И снежный террор —
За шалость метели,
Интриги ветров,
Они прилетели
С охапкою слов.
Так было и будет
Во веки веков...
И кто ж их осудит,
Повадки ветров?

Поэт с затаённым восторгом принимает приоткрывшуюся тайну великого соТворчества, счастливо окрыляющего, отгоняющего страх и тоску.

Тайной каждое слово пребудет,
Его тайну познать суждено:
Честный праздник она среди буден,
Яркий свет, если в мире темно.
(Будни)

По-прежнему, увы, «в мире темно», кипят неукротимые страсти: «В единстве и противоборстве/Бунтует жажда бытия». «Обострённого чувства волна» покрывает мятущегося в сомнениях человека, мешает его благонамеренным попыткам «отыскать тропу до Бога». Но «ни тени упрёка, ни слова в укор» — в стихах Л.Чекалкина не найдёте вы осуждения, подавляющей беспро-

светности, если только чуточку грусти. Это грусть мудрого, много повидавшего и испытывавшего человека, чья судьба не свободна от печальных времён...

Леонид Иванович из того поколения, кого называют «дети войны», за плечами Московский авиационный институт, литературная студия «Магистраль», курсы Военной академии им. Жуковского и 25 лет офицерской службы. «Подарок» от этой службы получил. Более двух лет провёл в госпиталях, начиная с мая 1980 года, когда оказался в стенах главного военного госпиталя им. Н. Бурденко. «Даже врачи (низкий им поклон) потом удивлялись, что я сумел выжить». Спасал себя вместе с докторами, помогала воля и... стихи.

Берег. Ветер. У причала —
Утренняя стынь.
В сотый раз начну сначала —
Погрызу полынь.
И смешаю с каплей крови
Треснувшей губы,
Чтоб явился точным в слове
Смысл моей судьбы.
(Оттиск судьбы)

Книги стихов Л.Чекалкина, по сути, автобиографическая летопись, но не событийная. Летопись чувств от передуманного и пережитого. Эстетическая форма — классическая: созерцание, философское осмысление, элегичность, высокий слог. «Мой лирический герой — это я сам. Ориентация на классические традиции — это естественная манера говорения стихами». Излюбленное время «беседы» поэта с миром, с самим собой — ночное, время бессонного бодрствования:

<...>Не отобрано право
На ночные труды,
Где реальная правда
Мне приносит плоды
В виде лопнувших почек
Листьев, рвущихся прочь,
В виде искренних строчек,
Воспевающих ночь. <...>

Наступает утро — «подарок ночи». Рассвет не просто весть о новом дне, это явление миру нового стихотворения, преображение души лирического героя — прообраза автора, его духовное «новорождение».

Забрезжил робкий рассвет
И умягчилась мгла.
И пролетевших лет
Вновь память ожила.
Её тревожный след
Позволил в тишине
Спокойно ждать рассвет,
Пробившийся вчерне.
Привычка многих лет —
Следить, как тает мгла
И власть берёт рассвет,
Чтоб нежность ожила.
(*Рассвет*)

«Власть рассвета» — повторяющийся, значимый мотив как символ творческой преобразующей силы — «невидимого чуда».

Суметь бы уберечь
и сохранить живую,
рассветную порою

услышанную речь.
И, видно, эта речь —
неведомо откуда,
словесная картечь
невидимого чуда. <...>
(Картечь)

Сложна и ответственна задача поэта, принимающего весть «неведомо откуда». Рассветное время — это надежда, быть может, в более глубоком смысле на милость восплаемого автором неба — «горницы богов». Ведь небо и земля не разлучимы. Земной труд души — подготовка к неведомому небесному обетованию. Творчество предстаёт как «праздничная цель» жизни, долгой и полнокровной, суть которой в том, чтобы: «Успеть слова любви проговорить». Тёплой и возвышенной любви к «пейзажу распахнутых небес», к «запахам земли в эпоху листопада», «строке случайной» — желанной гостье поэта, которую кто-то непременно подхватит:

Вырвется душа моя из клетки,
Полетит легко за облака.
Вдохновеньем слаженная крепко,
На земле останется строка.
Боже мой, какое откровенье:
Разве расставанье — навсегда?
Ведь когда-нибудь стихотворенье
Девочка найдёт через года.
И, возможно, след от вдохновенья,
Все преграды времени круша,
Ей поможет в важные мгновенья,
И живой останется душа.
(Девочка-душа)

Леонид Иванович — певец незлобивога, «рассветного» русского духа. Его «акварельная» поэтическая стро-

ка целительна, лечит от серости, обыденности. Лирический герой с открытым сердцем приглашает читателя в свой тонкий художественный мир.

По стерильным снегам бездорожья
Хорошо б ранним утром пройти,
Чтоб растратилось неосторожно
Напряженье ночного пути,
Где удача живёт с неудачей,
Где меняются слёзы на смех,
Но к усталости сладкой в придачу
Добавляется утренний снег...

В финале этого стихотворения есть откровение автора о трудности и важности поиска единственно верного слова, поиск этот всегда жертвенен:

Если требует строчка замены,
Свои силы не нужно беречь:
Никогда не прощает измены
Справедливая русская речь.
(Русская речь)

Лира поэта настроена на высокий лад, своеобразным камертоном могут служить строки:

А жить на земле — интересней
С мелодией чистой небес.

«Чистая мелодия небес» — это духовная опора России, в которую поэт, любящий свою родину, искренне верит.

Длится времени бег.
Но всё чаще остуда

Страсть к движенью
Спешит усмирить
И не страхом,
Предчувствием чуда —
Перспективою
Смерть победить.
Что за блажь!
Что за шалости, Боже!
С горки едет телега
Моя.
Еженощно,
Всё строже и строже
Отрешаюсь от пут бытия.
И все помыслы,
Волю и смыслы
Направляю на поиски
Слов,
Укрепляющих веру в Россию,
Одoleвшую натиск грехов.
(Россия)

Как бы ни был труден путь, впереди Рассвет — души, таланта, родной страны. И нельзя жалеть силы на этом пути. Труд поэта бескорыстен: не «за что-то», но «во имя» и «вопреки». Леонид Чекалкин национально традиционен, духовно близок Фёдору Ивановичу Тютчеву. Да, «В Россию можно только верить». И добавим: самим быть ей, России, верными, верными заветному русскому Слову, беспредельному и великому Его смыслу.

**Татьяна Кузовлева,
поэт, секретарь Союза писателей Москвы**

О стихах Л. Чекалкина

*Я вступил в зрелый возраст
И, как опытный зверь,
Без надрыва и просто
Сбросил бремя потерь...*

У поэтов нет возраста. Их служение Слову наполняет собой жизнь до последнего выдоха. Оно приносит в нее нелегкий опыт преодоления себя и тех испытаний, которые не всегда заканчиваются победами. Парадоксально, но именно там, где нас настигают поражения и потери, мы часто обретаем второе дыхание и новую силу голоса. Чем бы ни занимался тот, кто отмечен искрой Божьей, он всегда сможет найти просвет для рождения строки.

Жизнь Леонида Чекалкина была наполнена многими событиями, он принадлежит к тем, кто пронес в себе и щедро отдавал читателям стихи на протяжении нескольких десятилетий. В его строках и между ними читаются стремление добиться максимальной точности самовыражения, глубокое уважение к мастерам поэзии, благородные попытки достучаться до каждого человека словом доброты и любви. Его «чудо-птица серой масти» была пущена в полет, чтобы оживить не только пространство земли и неба, но и саму человеческую судьбу, соприкоснувшуюся с поэзией.

Книга стихотворений Леонида Чекалкина найдет своего читателя, найдет отклик в близких по духу сердцах.

Не это ли главная награда для поэта?

Александр Кацура,
философ, поэт, писатель

Нежность силы

Стихи являются ниоткуда. Сначала, как легкий укол, налетает чистая энергия вибрации, незаметно переходящая в ритмический мотив. В первые минуты, быть может, смутный. Но уже запело что-то в глубинах мозга, едва заметно зашевелились губы. Мотив становится яснее. Тверже. Как первые кристаллы в застывающем растворе, появляются слова. Цепляясь одно за другое, складываются в строку. Опережая их, уже хозяйничает своим молоточком рифма. Кажется, дело пойдет. Хорошо бы! Но чаще бывает так — зазвучало, почти сложилось, но внезапно сорвалось и унеслось куда-то. Возвращается редко. Когда же и зачем начинается мучительная работа по сложению стиха — губами ли в пространстве, пером ли на бумаге?

Считается, что поэзия делится на современную (текущую) и старую (классическую). И еще почему-то считается, что текущая должна смешить или дурачить, а если за мудростью и красотой — то это к старой. Но ведь и старая когда-то была текущей.

Ритм и рифма не случайны. Они означают, что время стиха — закольцовано, замкнуто в круг, в вечное блуждание и возвращение. *Умрешь, начнешь опять сначала...* Строчка Катулла или Ду Фу, внезапно доставшись до сознания, волнует не меньше, чем строка Гейне или Пастернака. Время застыло. Удел поэзии — вечность. Очень многие поэты — вне зависимости от масштаба — подчиняются магическому очарованию вечности.

Таков и Леонид Чекалкин. В пространстве классической формы — ему не тесно.

Не могу сосчитать, сколько звёзд
Уместила на листьях вода...
Это вечное время течёт,
Точно зная, — зачем и куда.

Одно из главных противоречий души поэта — желание открыться, распахнуться до конца, на деле проявляющееся в мучительной попытке спрятаться, затаиться. Отсюда вечно-тютчевское: *Молчи!.. Скрывайся!*

Но как молчать, когда напор стиха сильнее тебя самого?

Так зачем же среди ночи,
Где хозяйкой — тишина,
Я опять терзаю строчки,
И гоню остатки сна?

Из этого противоречия — и глубина смысла, и энергия строки:

Стол, две табуретки,
Тонкое стило.
Стук морозной ветки
О моё стекло.

Леонид Иванович — крупный, топором рубленый человек. И вдруг — тончайшая лирика. Даже застенчивая. (Но я не раз наблюдал эту связь — физически сильные мужчины удивительно нежны, а то и хрупки в своих сочинениях). Иногда это чувство усталости, даже горечи:

Когда уставшая листва,
Теряя чувство естества,
Летит, сорвавшись с веток...

Или так:

Почему же, почему же
У меня на склоне лет
Нет того, кому я нужен?
Лишь молчание в ответ...

Но чаще — затопляющее чувство победы жизни и
света, да даже и простого человеческого тепла:

Пусть обманчива снова погода,
И вернутся ещё холода.
Но теплом одарила природа,
И мои отогрелись года.

**Сэда Вермишева,
член Союзов писателей Армении и Москвы**

Поэзия Леонида Чекалкина

В стихах Леонида Чекалкина нет длиннот, нет красотей, но есть красота родной природы, глубокое, трепетное чувство ко всему первичному, основополагающему в человеческом бытии: к детям, родителям, к родной земле, к жизни, как таковой. В его стихах — осознание своего неизбежного долга перед жизнью и ощущение счастья от своей кровной сопричастности к ней. Полнота сопричастности жизни в ее духовной и материальной конкретности, в ее радостях и горестях для поэта Леонида Чекалкина — самоценна, и в этом одна из особенностей его поэзии, его мировоззрения. Особая роль в поэзии Л. Чекалкина принадлежит природе. Как и во всей русской классической поэзии через описание природы и природных явлений идет философское и социальное осмысление бытия, поиск и утверждение нравственного смысла. Этот поиск и утверждение идут не через лозунговую прямолинейность, а глубоко и тонко инструментированы тончайшими нюансами описания природы, состояния души и духа поэта. Многогранность личности поэта органично, вдохновенно и чисто сфокусировалась в его поэзии; он сумел выразить себя без надрыва и фальши, без литавр и барабанов, естественно, как сама, столь любимая и воспетая им, родная природа.

**Иван Юрьевич Голубничий –
секретарь Союза писателей России, главный редактор газеты
МГО СП России «Московский Литератор»,
кандидат филологических наук, Заслуженный работник
культуры Российской Федерации, Заслуженный работник
культуры Чеченской Республики.**

«...Наполняя строку высотой»

**Леонид ЧЕКАЛКИН. «Вечное время». Миниатюры. –
М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014.**

Нынешняя жизнь не отличается избытком гармонии. Нервная, импульсивная, прагматичная, лишённая сколь-ко-нибудь общепринятой иерархии ценностей, часто некрасивая, порой отвратительная в своей торжествующей некрасивости, она накладывает свой отпечаток, наверное, на душу каждого человека, независимо от возраста, мировоззрения и социального положения. В то же время люди, в меру сил и желания, пытаются противостоять агрессивному «духу времени» и находить в своей душе источник светлого, гармоничного мироощущения, источник, позволяющий сохранить человеческое достоинство, волю к жизни, веру в хорошее и радость от соприкосновения с миром. «Времена не выбирают, в них живут и умирают», — сказал поэт, и эта беспощадная правда не утратила и вовек не утратит своей правоты. Тем более радостно и удивительно, когда читаешь стихи, наполненные таким искренним восторгом перед жизнью, что куда-то отступает постылое безобразие повседневности и душа наполняется уже почти забытым внутренним светом:

Тонкий-тонкий, острый-острый
Серп ночной луны
Там, где облако, как остров
Вечной тишины.

Звонкий-звонкий, чистый-чистый,
Голос соловья.
Вся земля — святая пристань
Звёздного огня.

Грустный-грустный, нежный-нежный,
Тайный зов вдали,
Согревающий безбрежье
Неба и земли.

В стихах Леонида Чекалкина органично переплетены чувство и мысль, рассудок и мироощущение. Применительно к его поэзии максимально органично звучит определение «философская лирика». А что первично? Мысль? Чувство? Поди определи... Да и стоит ли? Не лучше ли просто попытаться уловить хрупкую и неповторимую мелодию чекалкинского стиха и погрузиться в истинную гармонию — гармонию любви и мудрости, красоты и глубины, воплощённую в музыке слов...

Едва возникнет радуги
Цветное коромысло,
Легко родится надобность
В преображенье мысли.
Растает тень от облака
С короткою судьбою,
Вернётся свет от облика,
Любимого тобою.
Возникнет чувство праздника
Реальностью живою.
И дождь с лицом проказника
Пройдёт над головою.

Леонид Чекалкин обладает подлинным чувством языка, позволяющим ему гармонично выстраивать ком-

позицию произведения. Жанр поэтической миниатюры, избранный поэтом для этой книги, требует повышенной бережности по отношению к материалу и максимальной чуткости к соотношению формы и содержания, и поэт жёстко соответствует этому требованию. В его миниатюрах ни одно слово не «выпирает», исполняя свою, лишь ему предначертанную поэтическую миссию. Леонид Чекалкин — бесспорный мастер формы, но это мастерство не фиксирует внимание на себе, покуда читающий погружён в пространство его лирического героя. Его поэтическая речь выстроена филигранно, строка организована с вдохновенной точностью. Читаешь — и веришь каждому слову...

На перевале поздних лет,
Когда слышна усталость,
Трудней всего — найти ответ:
А сколько дней осталось?
Не нужно сроки отмерять,
А жить — по полной мере,
И только небо уверять
В своей бессрочной вере.

Поэт Леонид Чекалкин подчёркнуто традиционен. При этом возможности русской классической традиции он использует с настоящим размахом, словно демонстрируя широту и удаль русской души и русского поэтического слова. Его стихи по-настоящему, органично и неподдельно красивы, но с той редкой сегодня степенью сдержанности, которая хранит эту красоту от шансонной сентиментальности и пошлой слащавости. Голос его звучит мужественно и внятно. Это голос истинного поэта.

За последние годы Леонид Чекалкин издал несколько поэтических книг, и каждая из них стала ярким яв-

лением современной поэзии. Книга «Вечное время», достаточно большая по объёму, показывает читателю талантливого русского поэта, что называется, «в полный рост», во всех оттенках его дарования. Книга очень цельная и плотная по содержанию, она требует взыскательного и искушённого читательского внимания. Тематически разделённая на части, каждая из которых имеет свой заголовок, она являет собой мощное поэтическое единство, постигаемое в процессе последовательного прочтения. В то же время, книгу можно читать и выборочно, открывая страницы наугад...

Длится, длится пора вдохновенья.
Сеет слово морозный январь.
Колокольной игрой повторенья
Будит души оглохший звонарь.
И несую усталости бремя —
Сберегаю молчаньем гортань,
И хочу в наступившее время
К прежней жизни вернуть глухомань,
Где поля бесконечно раздольны,
Первозданной спят слепотой...
Льётся утренний звон с колокольни,
Наполняя строку высотой.

Что ещё сказать? Леонид Чекалкин — один из тех поэтов, ревнителей русского слова, которые устояли перед искушениями суетного века и сохранили рыцарскую верность высоким заветам русской национальной классики. Поэзия щедро вознаградила их — и вдохновением, и мастерством, и острым чувством жизни. Гармония, звучащая в его стихах — не только дар свыше, но и завоёванное в противостоянии с жестоким и беспощадным материальным миром бесценное достояние.

Привечаемая звезда поэта

Леонид ЧЕКАЛКИН. «Осенняя пристань». Книга стихотворений. — М., «Новый ключ», 2010.

НОВЫЙ СБОРНИК СТИХОВ Л.Чекалкина характеризуется присутствием Поэзии и отсутствием дурного вкуса. Некоторые читатели, взяв в руки книгу этого автора, смогут почувствовать, как веет от неё достоинством и спокойствием. Само название «Осенняя пристань», приглушённые краски пейзажа, где изображены две лодки, две птицы, два берега (даже парность говорит о гармонии, об уравновешенности, о любви к жизни и родной природе), открытое улыбающееся лицо поэта дополняют это впечатление.

Леонид Иванович, как поэт, художник и музыкант одновременно — так органично и зримо звучат его разум и чувства, например, под «Времена года» П.И.Чайковского, — слышны и свист ветра, и плеск воды у причала, и шёпот шёлковых трав, и поскрипывание деревьев, и щебет птиц. Проникновенный лиризм и тонкое чувство прекрасного завораживают читателя: появляется ощущение, что душа освобождается от суетного, взмывает в прозрачные небеса и созерцает картины, умело нарисованные поэтом.

Ненавязчивая философия Леонида Чекалкина не располагает к спорам и дискуссиям, она миролюбива, тактична и мудра — таковы его рассуждения о бытии, об отношениях с окружающим миром, отстаивание своего права «слышать эти трели и видеть свет ночной, следить, чтоб были двери закрыты в мир иной».

Пользуясь различными выразительными средствами богатейшего русского языка, автор создаёт замечательные образы бессонницы (Подсолнух фонаря на ледяном стекле — осколок солнца с собственной судьбой),

последнего снега (Смешное лицедейство, святая суета. Бесмысленное действо, а всё же — красота!), говорит об иллюзии побега туда, «где помнятся старые грехи, где у неба выпросил волю и стихи», о преодолении гнева души, «чтоб потом — в просторы неба, эту жизнь перетерпев», об уважительном отношении к родной речи:

Если требует строчка замены,
Свои силы не нужно беречь:
Никогда не прощает измены
Справедливая русская речь...

о работе памяти:

Неизбывно это бремя — охранять остатки сил:
Виноват я перед всеми, кто меня не пережил...

о таинственных звуках ночи разлуки:

Это филин угрюмый кричит, вторит крику кукушка лесная.
Снова слышу, как сердце стучит: так живёт — утешенья не зная.
Налетела б скорее метель, настроенью ночному в угоду,
Сорвала бы все двери с петель, чтобы выгнать меня на свободу!..

о вселенской спячке:

Голые ветви, корявые сучья,
Мокнут лохмотья мишени паучьей.
.....

Осень, как данность земной круговерти...
Длятся мгновения временной смерти...

Главные «действующие лица» этого сборника — осень, ночь, снег, лес и другие — образы яркие, осязаемые и мно-

гогранные. Поэт рассуждает и грустит, любит и страдает, он ведёт читателя в мир своих видений и ощущений, и каждый, кто пойдёт за ним, не будет разочарован, — красоты не бывает много, и она всегда радуется, потому что в природе нет фальши и в душе поэта Леонида Чекалкина — тоже:

Проникновение добра во глубь глуши —
И есть заглавная игра моей души.

Очарование осеннего леса, навевающего скуку:

Лес осенний хвастает нарядом,
Безуспешно прикрываясь им...

белоснежной зимы с немим одиночеством:

И вот опять летят снега,
Свои рождая страхи.
Оделись сонные стога
В нательные рубахи...

тёмных ночей с холодным дыханием:

Я ночь за таинство люблю,
За смутные виденья.
.....
И ночной эпохи откровенья
Жизнь продлить сумели до утра,
Чтобы эти помнились мгновенья,
Если память выметут ветра...

— всё это привлекает читателя, побуждает открыть душу, пережить вместе с автором волнующие минуты единения с прекрасным.

Вот такой он, поэт Леонид Чекалкин, — прошу любить и жаловать.

**Максим Замшев,
поэт, писатель, шеф-редактор «Литературной газеты»**

*Леонид Чекалкин — это поэтический мудрец.
Он плетёт кружева своих строк неспешно, не напоказ.*

*Это стихи человека, переработавшего свой жизненный опыт
в сияющие смыслы.*

И теперь он мечтает открыть их читателям.

Содержание

Тайны белая страница

Покой.....	5
Перелёт.....	5
Одиночество.....	6
Ночной пейзаж.....	6
Зарево реки.....	7
Крылатая воля.....	8
Ожидание ночи.....	8
След сердца.....	9
С Новым годом!.....	10
Срок земной.....	10
Предел судьбы.....	11
Взросление.....	11
Прощание листвы.....	12
Пир во славу.....	12
Не зная чувства мести.....	13
Госпитальный парк.....	14
Даты жизни.....	14
Тростник.....	14
Срочная хирургия.....	15
Госпитальные фонари.....	17
Дневной сон.....	18
Усталость.....	18
Таинство.....	19
Дыхание моря.....	19
Соловей.....	20
Сюжет с рассветом.....	20
Терпение.....	21
Сюжет спасения.....	21
Реанимационный блок.....	22
Схватка.....	25
Ошибка.....	26
Предел судьбы.....	26
Облик беды.....	27
Живая поросль.....	27

Предвиденье.....	28
Борьба.....	28
Жестокость — не к лицу.....	29
Жить — охота.....	29
Вечерний полёт.....	30
Госпитальная весна.....	31
Пряные травы.....	31
Сиротство.....	32
Небесная грамота.....	33
Безразличье.....	33
Ночной сад.....	34
Богиня.....	34
Сон, как жизнь.....	35
Бессмертье.....	35
Зрелость.....	36
Край родной.....	36
Без вранья.....	37
Образ птицы.....	37
Память.....	38
Без печали.....	38
Мать.....	38
Вдохновенье.....	39
Ночь.....	39
Чуткость.....	40
Свой путь.....	40
Вечная жизнь.....	41
Дом.....	41
Временной пласт.....	42
Чую тревогу.....	42
Озеро мысли.....	43
Пора очнуться.....	43
Беглая мысль.....	44
Продолжение имени.....	45
Обещание.....	45
Размолвка.....	46
Жаркая ночь.....	47
Прощание.....	47
Сердце грусти.....	48
Мелодия Бога.....	48

Уходящее небо	49
Дух свободы	49
Тревожный рассвет	50
Одной породы	50
Всё знакомо	51
По рубежу	51
Ниспосланный свет.....	52

Книжка критики

<i>Пётр Чекалов. Лирика Леонида Чекалкина</i>	55
<i>Илья Клейнер. Одинокий небожитель</i>	82
<i>Андрей Ипполитов. «Зимний зной»</i> О книжке стихов Леонида Чекалкина	88
<i>Ступина Надежда. «Скрытое свечение»</i> поэтической строки Леонида Чекалкина	92
<i>Ступина Надежда. «Честный праздник среди буден» — о поэтическом творчестве Леонида Чекалкина</i>	97
<i>Татьяна Кузовлева. О стихах Л. Чекалкина</i>	105
<i>Александр Кацура. Нежность силы</i>	106
<i>Сэда Вермишева. Поэзия Леонида Чекалкина</i>	109
<i>И.Ю. Голубничий. «...Наполняя строку высотой»</i>	110
<i>Ольга Грозная. Привечаемая звезда поэта</i>	114
<i>Максим Замшев</i>	117

Библиография книг Чекалкина Л.И.

- Подборки стихов в журналах «Советский воин», «Знамя», «Подъём», в альманахе «Поэзия».
- в альманахах «Московский вестник», «Нижегородцы», «Рать», «Академия поэзии».
- Коллективный сборник «Под рубиновыми звёздами», издательство «Московский рабочий», 1979г.
- Сборник «Бесконечный свет» (антология современной лирики) 1 и 2 выпуски, 2015-2016 гг. ИПО «У Никитских ворот»
- Сборник «РУСЬ СВЯТАЯ», издательство «Академический проект», 2015г.
- Книги стихотворений:
- «Призраки тепла», издательство «Упрполиграфиздат» Мосгорисполкома, 140с. 1990 г.
- «Чёрный парус надежды», издательство «Русский раритет», г. Москва, 160с. 2000г.
- «Тропа доверия», издательство «Инфра» г. Тула, 132с.2001г.
- «Чаша терпения», издательство «PER SE», г. Москва, 118с. 2001г.
- «Квадрат» Сборник четырёх поэтов, издательство «Радуга», 2002г.
- «Солнечное сплетение», издательство «PER SE», 224с. 2003г.
- «Февральская страда», издательство «PER SE», 192с. 2004г.
- «Осколки утренней зари», издательство «PER SE», 208с. 2005г.
- «Пламень снеговой», издательство «Инфра» г. Тула, 208с. 2005г.
- «Услышанное слово», издательство «Инфра» г. Тула, 216с. 2005г.
- «У нежности в плену», издательство «PER SE», 250с. 2006г.
- «Память заката», издательство «PER SE», 240с. 2006г.
- «Из тени — в свет», издательство «PER SE», 320с. 2008г.
- «Шёпот, услышанный в шуме», издательство «PER SE», 271с. 2009г.
- «Горница», издательство «Новый ключ», 80с. 2009г.
- «Чаша терпения» (Второе издание, дополненное), издательство «PER SE», 218с. 2010г.
- «Осенняя пристань», издательство «Новый ключ», 128с. 2010г.
- «Здравствуй, небо!», издательство «Инфра М», г. Рязань 350с.212г.
- «Дозор», издательство «Грифон», г. Москва,160с, 2016г.
- «Осколки утренней зари», издательство «Грифон»,264с. 2016г.
- «Караван» ИПО «У Никитских ворот», 344с.2016

Книги избранной лирики 2014 года, ИПО «У Никитских ворот»
«Во имя», 360с.

«Вечное время», 268с.

«Ветер удачи», 268с.

Книги — исследования:

«Детство — под угрозой?», издательство «PER SE», 384с. 2008г.,

«Дети Отечества-Герои будущего (Культура детства).

О лирике Л. Чекалкина

Надежда Ступина «Окрылённые словом» издательство «Грифон», 2016 г.,

Группа авторов «Нежность силы» Книга критики, издательство «Грифон», 2016 г.,

Литературно-художественное издание

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ЧЕКАЛКИН

Тайны белая страница

Книга стихотворений и критических статей

Оригинал-макет: *Юрий Балабанов*

Художник: *Пётр Ефремов*

Гарнитура

Подписано в печать 2016 г.

Формат 84x108/32

Тираж 100 экз. Заказ N

Грифон

111141, Москва, Электродная ул. 36

Тел.: 8-499-740-45-62

www.grifon-m.ru